
СВОЙ
Анна Долгова

Анна Долгова

Свой

«Литнет»
2026

Долгова А.

Свой / А. Долгова — «Литнет», 2026

- Ты ведь понимаешь, что теперь все изменилось? – он смотрел на меня спокойно, без напора, но от этого спокойствия становилось не по себе. – Ты уже не просто продавец из салона. Ты – часть чего-то большего. Хочешь ты этого или нет.Я молчала. Руки дрожали.- Я не прошу тебя делать выбор, - он шагнул ближе, и я почувствовала запах табака и кожи. – Ты его уже сделала. В лесу. В моей машине. Когда кричала так, что волки в округе затихли от зависти.- Что ты хочешь? – тихо спросила я.- Немногого. Сходить туда, куда скажу. Передать то, что попрошу. Не задавать лишних вопросов. А потом… посмотрим.- А если я откажусь?Он усмехнулся уголками губ. В этой усмешке не было злорадства. Только спокойная, твердая уверенность.- Не откажешься. Потому что я – тот, кто тебя по-настоящему увидел. Тот, кому ты поверила. Тот, с кем ты впервые почувствовала себя женщиной. Я не держу тебя, Алина. Ты сама решила остаться.Я посмотрела в его глаза. Темные, глубокие, нечитаемые. И поняла, что он прав. Что я в его власти. Что от него пахнет бедой, и я все равно никуда не уйду.Потому что он – СВОЙ.А я – его.**********❤#ЗДЕСЬ БУДЕТ ЖАРКО. ЗДЕСЬ БУДЕТ ЖЕСТКО И ЖЕСТОКОПУБЛИКАЦИЯ ГЛАВ - ПО ЧЕТНЫМ ЧИСЛАМ!ВНИМАНИЕ!!!!Автор осознаёт и строго соблюдает культурные и законодательные нормы, категорически не допуская пропаганды или оправдания действий, противоречащих моральным устоям общества и букве закона.

© Долгова А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Алина 6
Глава 2. Алина 11
Глава 3. Алина 16
Глава 4. Алина 22
Глава 5. Алина 26
Глава 6. Алина 28
Глава 7. Алина 31
Глава 8. Алина 34
Глава 9. Алина 37
Глава 10. Алина 40
Глава 11. Алина 43
Глава 12. Алина 46
Глава 13. Алина 48
Глава 14. Алина 50
Глава 15. Свой 53
Глава 16. Свой 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Глава 1. Алина

День начинался как обычно – с кофе, который остыл еще на первом клиенте, и с чувства, что ты одновременно нужна всем и никому.

Я влетела в салон за пять минут до открытия, потому что маршрутка решила устроить мне испытание на прочность. Волосы растрепались, помада наполовину стерлась, а в сумке звякала банка холодного кофе, которую я купила на бегу и уже трижды пожалела.

- Алина, ты опять опаздываешь, - пропел голос Вероники, моей «коллеги» с идеальной укладкой и вечным недовольством.

Она стояла у зеркала и поправляла воротник блузки, даже не глядя в мою сторону.

- На пять минут.

- На пять минут и на пять тысяч бонусов, которые ты недополучишь за пунктуальность.

Я закатила глаза и рванула в подсобку. На ходу стягивала куртку, вытряхивала сумку, искала резинку для волос. В зеркале на меня смотрела растерянная девчонка с темными кругами под глазами и бледным лицом. Я провела пальцами под глазами, растерла тональник, который уже давно требовал обновления. Не фонтан, но сойдет.

- Алина! На выход! – крикнул из кабинета Семен Петрович, наш управляющий. – Первый клиент уже в зале!

- Бегу!

Я выскочила из подсобки, натягивая на ходу дежурную улыбку.

Первым клиентом оказалась женщина лет пятидесяти в розовом плаще и с чихуахуа под мышкой. Собачка тряслась, женщина же требовала «что-нибудь экономное, но чтобы понты были как у «Лексуса»». Я провела ее по залу, показала три модели, рассказала про кредиты и трейд-ин. Она слушала вполуха, гладила собачку и в итоге сказала:

- А давайте я лучше подумаю и вернусь с мужем.

- Конечно, - улыбнулась я. – Будем ждать.

Она ушла. Я перевела дух и схватила, наконец, ту самую банку кофе. Отхлебнула и чуть не подавилась. Холодный, горький, с привкусом пластика. Идеальное начало дня.

- Алина, помоги с планшетом, - позвал Леха, младший менеджер, вечно запутанный в документах. – У меня клиент завис, программа не грузит.

- Сейчас.

Подошла, поколдовала, перезагрузила. Леха облегченно выдохнул и улыбнулся щербатой улыбкой. Хороший парень, но растеряха.

- Спасибо, Алин. Ты чудо.

- Я знаю.

За следующие два часа было еще три клиента. Мужчина с запахом перегара, который хотел «просто посмотреть» и «может, через месяц». Семейная пара с подростком, который тыкал пальцем в самые дорогие модели и ныл, что «папа, ну купи». И дама в норковой шубке, несмотря на еще вполне теплую погоду, которая полчаса рассказывала мне, что «раньше машины были лучше», а потом села в новенький Mercedes и сказала: «Знаете, беру».

С последней я заполняла договор, когда Вероника подошла и демонстративно положила на стойку еще один бланк.

- Это к тебе, - сказала она с улыбкой, от которой хотелось проверить, не намазана ли моя спина зеленкой. – Мужчина у X6. Говорит, ждет продавца. Я предложила свою помощь, но он сказал, что хочет именно тебя.

- Меня?

- Удивлена, да. Я тоже.

Она ушла, покачивая бедрами. Я дописала договор, отдала даме ключи, поблагодарила за покупку и только потом посмотрела в сторону черного внедорожника.

Там стоял мужчина. В дорогой кожаной куртке, руки в карманах джинсов. Не прислонялся, не обходил машину, не заглядывал под капот – просто стоял и смотрел на нее. Или сквозь нее. Или на что-то другое.

Я поправила волосы, одернула юбку и пошла к нему, на ходу прокручивая стандартные фразы: «Добрый день, чем могу помочь?», «Хотите узнать подробнее об этой модели?», «Показать вам каталог?».

Не успела я открыть рот, как к X6 подошел другой мужчина. Плотный, красномордый, с дорогими часами и пальцем, который уже был готов указывать.

- Девушка, - рявкнул он, не глядя на меня. – Разберитесь с ним, у меня вопросы по этой машине.

Я перевела взгляд на мужчину в куртке. Он чуть повернул голову, и я увидела его лицо.

Ему было под пятьдесят. Глубокие морщины у глаз и рта, несколько шрамов – старых, белых, словно заживших много лет назад. Один – на скуле, другой – на подбородке, третий – на переносице. Глаза темные, тяжелые, внимательные. Такие глаза бывают у людей, которые все видели и ничего не боятся.

Секунду он смотрел на меня. Потом перевел взгляд на красномордого и усмехнулся. Едва заметно, одними уголками губ.

- Мы как раз закончили, - сказал он негромко и отошел на шаг, освобождая место у капота.

Красномордый тут же насел на меня:

- Так. Что за машина? Год? Пробег? Комплектация? Только без воды, я тороплюсь.

Я вздохнула. Глубоко. И начала:

- BMW X6, сороковая серия, 2023 год, пробег – двенадцать тысяч, дизельный двигатель, три литра, двести сорок девять лошадиных сил, полный привод, адаптивная подвеска, пакет M…

- Стоп, - перебил он. – Ты хоть понимаешь, что продаешь? Или просто цифры по бумажке повторяешь?

Я сжала планшет крепче.

- Понимаю.

- А докажи. Сколько там масла в двигателе? Какая резина стоит? Чем этот X6 от прошлого года отличается?

Я открыла рот. Закрыла. В голове вдруг стало пусто. Не потому что я не знала ответов. Знала. Но от его тона – снисходительного, брезгливого – что-то внутри переключилось. Я снова стала той девчонкой, которая боится громких мужских голосов.

Красномордый заметил мою заминку и довольно хмыкнул.

- Ну вот, - сказал он, обращаясь к пространству. – Девки за руль уже лезут, и в салоне работают. Кому они нужны, эти продавщицы?

Вокруг стало тихо. Слишком тихо. Даже музыка из динамиков, казалось, притихла.

Я почувствовала, как лицо заливается краской. Пальцы дрожали. Я хотела ответить. Хотела выплюнуть ему все характеристики, все цифры, все технические детали, которые учила по ночам, пока другие спали.

Но язык прилип к небу.

- Я… - начала и осеклась.

- Что – я? – он шагнул ближе. – Может, позвать кого-то из мужчин? Кто реально в железе понимает?

Секунда. Еще одна. Я чувствовала, как гулко стучит сердце.

И вдруг голос. Спокойный, ровный, без тени спешки.

- Трехлитровая рядная «шестерка», twin-power turbo, 249 лошадей.

Я обернулась.

Рядом с капотом стоял тот самый мужчина – в кожаной куртке, со шрамами на лице. Тот, который отошел. Он не ушел. Он стоял в трех шагах, сцепив руки на груди, и смотрел на красномордого без всякого выражения. Будто разглядывал насекомое.

- Момент на низах с тысячи оборотов, на пике – 560 ньютонов, - продолжал он, будто читал лекцию первокурсникам. – Дифференциал повышенного трения, адаптивная подвеска. С завода идет с пакетом М – тормоза, обвес, руль. Вопросы?

Красномордый застыл. Моргнул раз, другой. Открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

- Я… ну, это… - он посмотрел на меня, потом на него. – А вы кто вообще?

- Свой, - мужчина усмехнулся уголком губ. – А ты бы лучше шел, пока не краснеешь дальше.

Красномордый что-то буркнул себе под нос, поправил пиджак и зашагал к выходу. Дверь салона хлопнула. Тишина повисла снова, но теперь она была другой. Не унизительной. А какой-то... теплой, что ли.

Я перевела дыхание и посмотрела на незнакомца.

- Спасибо, - выдохнула я. – Вы… вы очень вовремя.

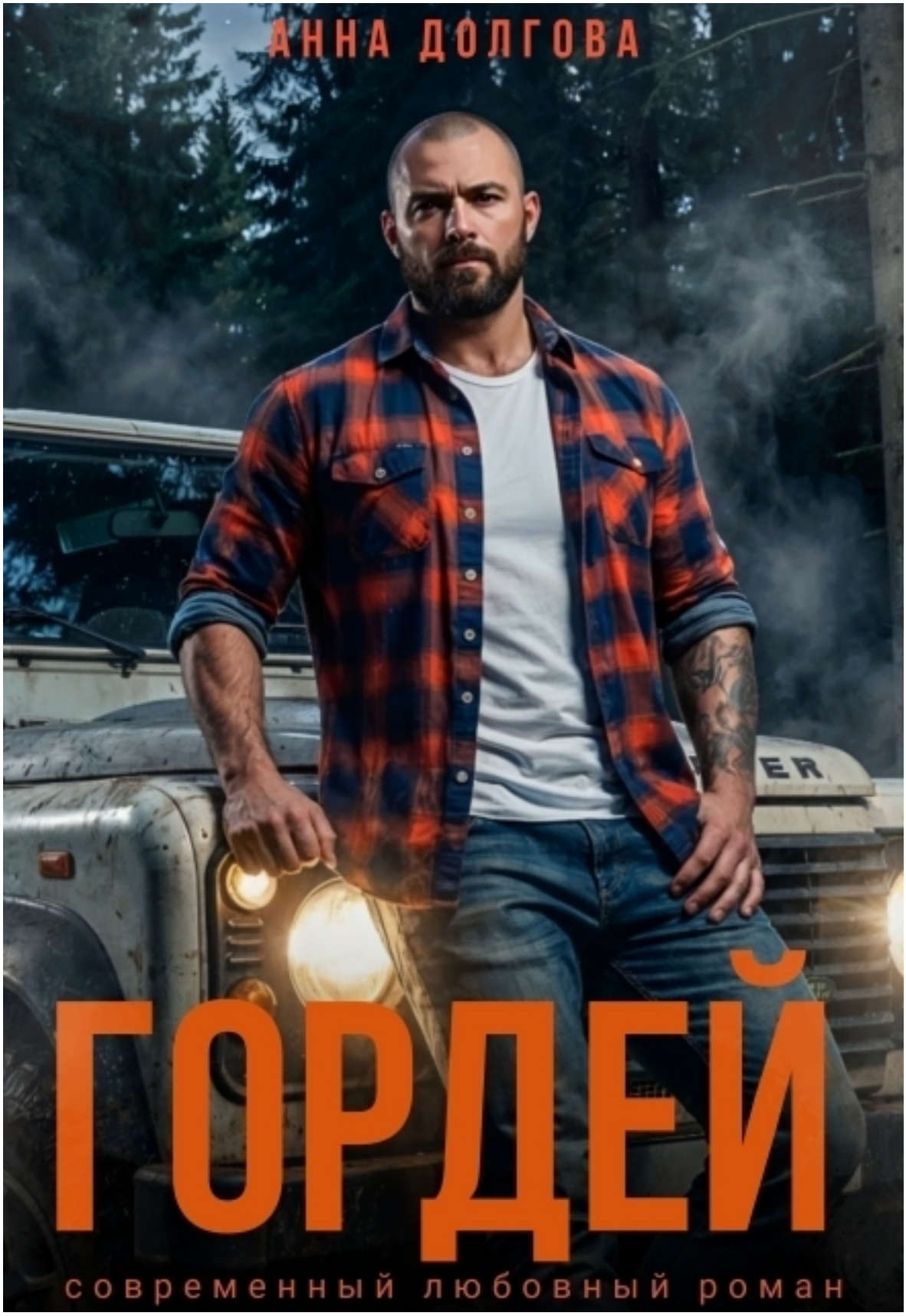
Он молчал. Просто смотрел на меня тем самым взглядом, который будто читал каждую мысль, включая те, что я сама себе боялась признать. В этом взгляде не было похоти, не было высокомерия. Только спокойствие, уверенность и... что-то еще. Что-то, от чего по спине пробежали мурашки, а сердце пропустило удар.

Потом он медленно, словно проверяя, не спугнет ли меня, провел ладонью по черному капоту «БМВ».

- Красавица, - сказал он тихо. – Почти как ты.

****

https://litnet.com/shrt/du0_

Деревня видит их жестокую войну. Он – железный хозяин фермы-крепости. Она – дерзкая племянница, бросающая ему вызов. Их ссоры сотрясают Лесную Гриву.

Но ложь – их общий язык.

Каждая пощечина – это код. Каждая публичная ссора – прикрытие.

Гордей Свиридов уверен: он держит под контролем и свой криминальный бизнес, и эту опасную девчонку с горящими глазами.

Он не знает главного.

Ее страсть – холодный расчет. Ее поцелуи – часть плана по уничтожению его империи. Она должна заставить его потерять голову, чтобы спокойно воткнуть нож в спину.

Но что делать, если в этой смертельной игре из двух лживых сердец одно начало биться по-настоящему?

Они научились безупречно притворяться врагами. Смогут ли выжить, когда станут ими на самом деле?

****

❤#ЗДЕСЬ БУДЕТ ЖАРКО. ЗДЕСЬ БУДЕТ ЖЕСТКО И ЖЕСТОКО. ЕСЛИ НАЧИНАЕТЕ ЧИТАТЬ - ЧИТАЕТЕ ДАЛЬШЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ!

##ВНИМАНИЕ!!!!##Автор осознаёт и строго соблюдает культурные и законодательные нормы, категорически не допуская пропаганды или оправдания действий, противоречащих моральным устоям общества и букве закона.

ЧИТАЕМ ДАЛЬШЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ!

Глава 2. Алина

Я стояла и смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

Это было странное чувство. Будто только что кто-то выдернул меня из-под колес несущегося грузовика. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, а в голове все еще звенела тишина, которую оставил после себя тот красномордый хам.

А этот... этот стоял напротив, спокойный, как скала. Кожаная куртка, седина на висках, шрамы на лице. И глаза. Темные, тяжелые, немигающие. Он смотрел на меня так, будто знал что-то такое, чего я сама о себе еще не поняла.

- Спасибо, - повторила я, потому что других слов не находилось. – Вы... вы меня просто спасли.

- Не стоит, - ответил он негромко.

Голос низкий, хрипловатый, с легкой хрипотцой, будто он много курил или много молчал.

- Терпеть не могу, когда умные люди страдают из-за чужой глупости.

Я не знала, что ответить. Сказать, что я умная? Неловко. Сказать, что это было не страшно? Врать. Я просто стояла и глупо моргала, чувствуя, как краска отливает от щек, сменяясь бледностью.

Мужчина заметил мое состояние. Он не стал меня торопить, не стал задавать лишних вопросов. Просто отступил на шаг, давая пространство, и начал медленно обходить машину. Провел пальцами по зеркалу, заглянул в салон через стекло, присел, чтобы рассмотреть колесные диски.

Я смотрела на него и постепенно приходила в себя. Дыхание выровнялось, пульс успокоился. На смену страху пришло любопытство.

Кто он? Откуда взялся? Почему вмешался?

Обычно в таких ситуациях люди отворачиваются. Делают вид, что не заметили. Это проще – не лезть в чужую перепалку, не рисковать. А этот не отвернулся.

Я выдохнула, поправила волосы и шагнула к нему.

- Простите, я не представилась. Меня Алина зовут.

- А я запомнил, - он выпрямился и посмотрел на меня уже не так сурово, а в глазах мелькнуло что-то вроде усмешки. – Свой.

- Свой? – переспросила, думая, что ослышалась.

- Свой, - повторил он, и в этом слове прозвучало что-то твердое, окончательное.

Он не собирался объяснять. Не собирался называть настоящего имени. А я почему-то не решилась спросить снова.

Я кивнула и решила перевести разговор в деловое русло. В конце концов, это моя работа. И если он пришел за машиной, то я должна быть профессионалом, а не школьницей на первом свидании.

- Так вы за X6? – спросила, беря себя в руки. – Или хотите посмотреть что-то еще?

- X6, - ответил он без раздумий. – Черный. Эта комплектация. Сколько?

Я моргнула. Прямо, без торга, без долгих раздумий. Так покупают только люди, которые точно знают, чего хотят. Или которым не привыкать тратить деньги не глядя.

Я открыла планшет, быстро пробила код модели, пробежалась по цифрам.

- С учетом всех опций шесть миллионов восемьсот тысяч. Но мы можем предложить кредит, трейд-ин, страховку в подарок при…

- Наличными, - перебил он спокойно. – Полностью. Где оформлять?

Я снова растерялась. Наличными шесть миллионов? Кто вообще носит с собой такие деньги?

- Эм... - замялась. – У нас есть касса, но сумма крупная. Возможно, проще будет безналичный перевод или…

- Алина, - он шагнул ближе, и я почувствовала запах табака и кожи. – Я сказал «наличными». Деньги в машине. Я не привык ждать и не люблю, когда мне усложняют жизнь.

- Хорошо, - выпалила. – Хорошо. Тогда пройдемте в офис. Мне нужно подготовить договор.

Он кивнул и пошел за мной. Я чувствовала его спиной. Его присутствие было плотным, почти осязаемым. Мы прошли через весь салон мимо удивленных взглядов Вероники (она как раз разговаривала с каким-то клиентом и уставилась на нас с открытым ртом) и скрылись в переговорной.

Я закрыла дверь, предложила ему сесть. Он опустился в кресло, откинулся на спинку, положил руки на подлокотники. Сидел свободно, уверенно, будто у себя дома. Я села напротив и открыла ноутбук.

- Ваши данные? – спросила, готовясь заполнить договор.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Я уже поняла, что так он делает, когда решает, сколько можно мне сказать. Решив что-то про себя, молча достал из внутреннего кармана куртки темно-бордовый паспорт и положил на стол.

Я протянула руку к паспорту, открыла. Алексей – я запомнила имя, хотя он сам не назвался. Алексей Алексеевич. Возраст – пятьдесят два. Ничего себе… Прописка в соседней области. Все. Остальное я не рассматривала, потому что остальное это сделает другой человек. Моя работа – продать машину, а не собирать досье.

Я заполнила договор, распечатала, протянула ему. Он прочитал быстро, но внимательно. Подписал не глядя. И встал.

- Деньги в багажнике моей старой, - сказал он. – Пойдем, примете.

Мы вышли на парковку. Рядом с черным X6 стоял серый «Ниссан» - поцарапанный, местами ржавый, с облезлой краской на капоте. Он подошел к нему, открыл багажник. Там лежали три плотных черных пакета.

- Шесть восемьсот, - сказал он. – Пересчитывайте, если не доверяете.

Я позвала Леху. Мы пересчитали деньги в подсобке под камерой. Все точно, до копейки. Я подписала акт приема-передачи, отдала ключи от нового X6, которые он не стал пока брать без объяснения причин. Забрала ключи от старого «Ниссана», потому что он сказал, что заберет его завтра, попросил не эвакуировать.

Все заняло не больше сорока минут.

Когда я вернулась в салон, Вероника уже ждала меня у кофейного автомата.

- Ну и кто это? – спросила она, сверля меня завистливым взглядом.

- Покупатель, - ответила вежливо, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Покупатель с шестью миллионами наличными? Так не бывает.

- Бывает. Я только что продала ему X6.

Вероника побелела. Потом покраснела. Потом развернулась и ушла, не сказав ни слова. Я знала, что она сейчас звонит Семену Петровичу и жалуется на несправедливость судьбы. А мне было все равно. Я думала о другом.

О том, как этот странный мужчина со шрамами смотрел на меня. Как сказал «красавица» тихим голосом, от которого по спине мурашки. Как спокойно отсчитал кучу денег, будто речь шла о буханке хлеба.

Кто он? Откуда? Почему один? И почему я не могу выбросить его из головы?

Я стояла у окна и смотрела, как серый «Ниссан» увозят эвакуатором – подальше с глаз, на служебную стоянку. Черный X6 все еще стоял у входа. Он ушел, но машину так и не забрал. Сказал, что приедет через час, оформит страховку.

Я ждала.

Через час он вернулся. Страховку оформил быстро – позвонил кому-то, через пять минут ему на почту пришли документы. Я только распечатала.

- Все? – спросил он, забирая полис.

- Все, - ответила я. – Поздравляю с покупкой. Можете забирать машину.

Он кивнул, взял ключи. Я думала, что он уйдет. Что скажет «до свидания» и исчезнет из моей жизни так же внезапно, как появился. Но он остановился в дверях, повернулся ко мне.

- А ты когда заканчиваешь? – спросил как будто небрежно, но я почувствовала в голосе металл.

- В семь, - ответила автоматически. – А что?

- Заеду. Покатаемся.

Я замерла.

В голове пронеслась тысяча мыслей. Первая – это опасно. Вторая – он незнакомец. Третья – у него деньги, наличные, он покупает дорогие машины, кто он вообще такой? Четвертая – а что, если он бандит? Пятая – а что, если...

Я посмотрела в его глаза. Спокойные, темные, без намека на давление. Он не требовал, не уговаривал, не угрожал. Просто предложил.

- Зачем? – спросила, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Скучно одному, - усмехнулся он. – Да и ты говорила, что водишь неплохо. Проверим.

Я хотела сказать нет. Должна была сказать нет. Это было правильное, безопасное, разумное решение. Я не знаю этого человека. Он странный. Он пугающий. Он...

- Хорошо, - услышала свой голос. – Ждите у входа.

Он кивнул, развернулся и вышел. Черный X6 взревел двигателем, развернулся на парковке и уехал в сторону выезда.

Я осталась стоять посреди салона с распечаткой договора в руках, чувствуя, как сердце колотится где-то в ушах, а в голове звенит одна-единственная мысль:

«Что я только что сделала?»

До семи оставалось три часа.

****

https://litnet.com/shrt/MNnq

- Стоять…

Негромко и без лишнего устрашения, но так, что я не просто встаю перед преградой в виде руки бритоголового, но тону в его глазах.

Дерзкий…

Что в нем дерзкого? Умный. Вдумчивый. Добрый. Со мной ласковый. Даже слишком…

- Дерзкий! Опять себе телку с лучшими буферами хапаешь?! Пацанам бы хоть оставил!

Но он молчит. Практически нависает надо мной и молчит. Он не отдаст. Не отдаст меня ни пацанам, ни кому-либо еще.

Зачем?

Чтобы своей сделать. Подчинить. Влюбить. А потом просто растоптать…

- Таисия Михайловна, у вас был половой контакт с Федором Егоровичем? – спрашивает следователь.

- С кем? – не понимаю сразу.

- У него кличка «Дерзкий».

- Был…

- Защищенный?

- А это здесь при чем? – пытаюсь быть такой же дерзкой, как и ОН.

- А вы знали о его проблемах со здоровьем? – без эмоций на лице.

- Нет.

- А он знал… И вы такая не единственная…

Глава 3. Алина

Ровно в семь выключила компьютер.

В салоне уже никого не было, только Вероника задержалась у зеркала, поправляя стрелки на колготках. Она покосилась на меня с тем особенным выражением, которое я уже изучила за год работы – смесь любопытства и злорадства.

- К тебе пришли, - сказала она, кивая в сторону окна.

Я не спросила кто. Я и так знала.

Черный X6 стоял у самого входа, двигатель работал на холостых, из выхлопной трубы шел легкий пар. За рулем сидел он.

Свой.

В той же кожаной куртке, руки на руле, взгляд направлен прямо на дверь салона. Он ждал. Не сигналил, не звонил, не заходил внутрь. Просто сидел и смотрел туда, откуда я должна была выйти.

Вероника хмыкнула:

- Покупатель, значит. Ну-ну.

Я не ответила. Надела куртку, проверила, что в сумке телефон и ключи от квартиры, и вышла на улицу.

Вечер был прохладным, начало октября уже дышало осенью. Ветер трепал волосы, заставлял жмуриться. Я шла к машине и чувствовала, как колени становятся ватными. Каждый шаг давался с трудом, будто брела по болоту, а не по асфальту парковки.

«Ты с ума сошла», - стучало в висках. «Ты ничего о нем не знаешь. Он чужой. Он старше больше, чем на двадцать пять лет. Он...»

Я открыла дверь и села на пассажирское сиденье.

Салон пах новой кожей и табаком. Было тепло, играла тихая музыка – что-то джазовое, с медленным и неторопливым ритмом. Он сидел слева, одной рукой держался за руль, второй – за рычаг коробки. Повернул голову, посмотрел на меня. В глазах не было ничего устрашающего. Спокойствие. Уверенность. И легкий, едва заметный интерес.

- Пристегнись, - сказал он.

Я послушно пристегнулась. Руки дрожали, но я сцепила пальцы в замок, чтобы он не заметил.

- Куда мы едем? – спросила, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Туда, - ответил он, включая передачу. – Подальше от этих стекляшек и дураков.

Машина мягко тронулась, выехала с парковки и влилась в вечерний поток. В салоне было тихо, только шуршали шины по асфальту да играла музыка. Он не включал навигатор, не смотрел в телефон. Просто вел. Уверенно, без суеты, будто знал каждый поворот.

Мы ехали молча. Минуту. Пять. Десять.

Я смотрела в окно, как проплывают витрины магазинов, светофоры, пешеходы. Потом начались спальные районы, потом – частные дома, потом – пустыри и гаражи. Город кончился. Мы выехали на трассу.

- Не боишься? – спросил он, не глядя на меня.

- Немного, - честно ответила я.

- И правильно. Страх – это ум. Кто не боится, тот дурак.

- А вы боитесь?

Он усмехнулся. В салоне загорелась подсветка приборной панели, и я увидела его лицо. Шрамы, морщины, глубокие тени под глазами.

- Уже нет. Все, чего я боялся, случилось. Живу дальше.

Мне стало любопытно. Очень. Но я не стала спрашивать, что именно случилось. Что-то подсказывало, что ответ мне не понравится.

- Алина, - сказал он после паузы. – Ты давно в салоне?

- Год.

- И как?

- Как обычно. Клиенты, план, премия. Иногда хорошие люди попадаются. Чаще – такие, как сегодня.

- Такие, как сегодня – это которые?

- Которые думают, что если у них есть деньги, то можно хамить.

- А у тебя были деньги?

Вопрос прозвучал неожиданно. Я повернулась к нему. Он смотрел на дорогу, но чувствовалось, что он ждет ответа.

- Нет, - сказала я тихо. – У меня никогда не было денег. Поэтому я и работаю.

- А родители?

- Папы нет. Мать... пьет.

Я сказала это и тут же пожалела. Зачем я вообще это сказала? Мы знакомы всего несколько часов, а я уже рассказываю о самом сокровенном.

- Простите, - добавила я. – Это лишнее.

- Нет, - он повернул голову и посмотрел на меня. – Не лишнее. Ты не выбирала.

В его голосе не было жалости. Жалость я бы не вынесла. Было просто принятие. Будто он говорил: «Я знаю, что это такое, и не осуждаю».

Мы снова замолчали. Я смотрела в окно на темные поля и редкие огни деревень. Мы ехали уже минут сорок. Город остался далеко позади, трасса сузилась, фонарей почти не было.

- Куда мы едем? – спросила снова, но в моем голосе уже не было страха.

Только любопытство.

- Скоро увидишь.

Машина свернула на проселок.

Я почувствовала, как меня бросило в жар. Дорога стала ухабистой, гравий застучал по днищу. Вокруг ни огонька, ни души. Только лес с двух сторон и фары, выхватывающие из темноты грязные лужи и корни деревьев.

«Вот и все, - подумала я. – Дура. Самая настоящая дура. Пошла с незнакомцем в лес, даже не спросила, кто он. Идиотка. Наивная идиотка, как в дешевом триллере».

Я сжала ручку двери, готовясь к худшему.

Машина остановилась.

Он заглушил двигатель. Тишина ударила в уши. Такая плотная, что заложило. Ни ветра, ни птиц, ни машин. Только мое сердце, которое, казалось, готово было выпрыгнуть из груди.

Я смотрела прямо перед собой, боясь повернуть голову.

- Выходи, - сказал он.

- Зачем? – спросила, не двигаясь.

- Хочу, чтобы ты села за руль.

Медленно повернулась к нему. Его лицо в полутьме было спокойным, даже расслабленным. Ни тени напряжения или скрытых намерений.

- Ты серьезно? – даже перешла на «ты», сама не заметив, как это произошло.

- Абсолютно. Хочу посмотреть, как ты водишь.

Я вышла из машины. Ноги дрожали, но уже не от страха. От неожиданности. Он обошел капот, открыл водительскую дверь и жестом пригласил меня сесть.

Я села. Кресло было теплым от него, руль – чуть шершавым, приятным на ощупь. Положила руки на десять и два, как учили на курсах экстремального вождения, которые я проходила два года назад на последние сбережения.

Он устроился рядом, пристегнулся.

- Поехали, - сказал спокойно.

Я завела мотор. Машина отозвалась тихим рыком. Я нажала на газ – мягко, плавно, чувствуя, как подвеска проглатывает ухабы проселка. Вырулила на трассу.

- Хорошо идешь, - сказал он одобрительно. – Чувствуешь машину.

- Спасибо.

- Кто учил?

- Курсы. Я на них последние деньги отложила, когда поняла, что без прав в салоне нечего делать.

- Умница.

Это слово - «умница» - прозвучало так, будто он сказал нечто гораздо большее. Я почувствовала, как щеки заливаются румянцем, и была благодарна темноте, которая скрывала мое лицо.

Мы ехали по пустой трассе. Я вела уверенно, может быть, впервые в жизни чувствуя себя за рулем не ученицей, а настоящим водителем. Машина слушалась каждого моего движения, будто мы были одним целым.

- Прибавь, - сказал он тихо.

Я нажала на газ. Сто двадцать. Сто тридцать. Сто пятьдесят. Дорога летела под колеса, деревья сливались в сплошную стену. В салоне было тихо, только мотор пел свою низкую песню.

Чувствовала его взгляд на себе. Он не смотрел на дорогу. Он смотрел на меня. И мне это нравилось. Очень. Слишком.

- Сворачивай, - сказал он, указывая на проселок справа.

Съехала с трассы. Дорога стала хуже, ухабистее, но я вела аккуратно, объезжая ямы и корни деревьев. Мы углублялись в лес, фары выхватывали из темноты стволы берез и папоротники на обочинах.

- Останавливайся, - сказал он.

Я заглушила мотор.

Тишина накрыла нас, как одеяло. Только ветер слегка шевелил ветки где-то наверху. Я сидела, сжимая руль, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле.

Он не двигался. Не говорил. Просто сидел рядом, и я слышала его дыхание. Ровное, спокойное.

Повернулась к нему.

В темноте его лицо было почти не видно, только скулы и подбородок, освещенные слабым светом приборов. Шрамы, морщины, седина на висках - все это вдруг перестало быть страшным. Стало просто... частью его.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него.

В какой-то момент перестала дышать. А потом перестала думать.

Отстегнула ремень, подалась вперед и вцепилась в его губы.

Он не отстранился. Не спросил, зачем. Не сказал ни слова. Его рука скользнула мне на затылок, пальцы запутались в волосах, а вторая легла на талию, притягивая ближе. Мы целовались так, будто завтра не наступит – жестко, жадно, исступленно. Я чувствовала его дыхание, его пальцы, сжимающие мою кожу, и где-то на периферии слышала, как бьется мое собственное сердце.

Он пах табаком, кожей и чем-то далеким, опасным. Тем, от чего у нормальных людей срабатывает инстинкт самосохранения. Но я никогда не была нормальной. Или слишком устала ею быть.

Расстегнула его куртку, стянула с плеч, не отрываясь от его губ. Он помог. Молча, быстро, нетерпеливо. Потом я отстранилась на секунду, посмотрела в его глаза. Темные, тяжелые, с таким голодом, от которого у меня перехватило дыхание.

Одним махом перекинула ногу через рычаг коробки и села на него сверху.

Кожаное сиденье скрипнуло под моим весом. Его руки тут же легли мне на бедра, пальцы впились через тонкую ткань джинсов. Я снова поцеловала его. Глубоко, медленно, чувствуя, как его ладони скользят выше, сжимают, тянут ближе.

В салоне было темно. Только свет приборной панели освещал наши лица. И в этом полумраке, посреди ночного леса, в машине, которая стоила шесть миллионов, я впервые почувствовала, что живу по-настоящему.

Я не знала, кто он.

Я не знала, что будет завтра.

Я не хотела знать.

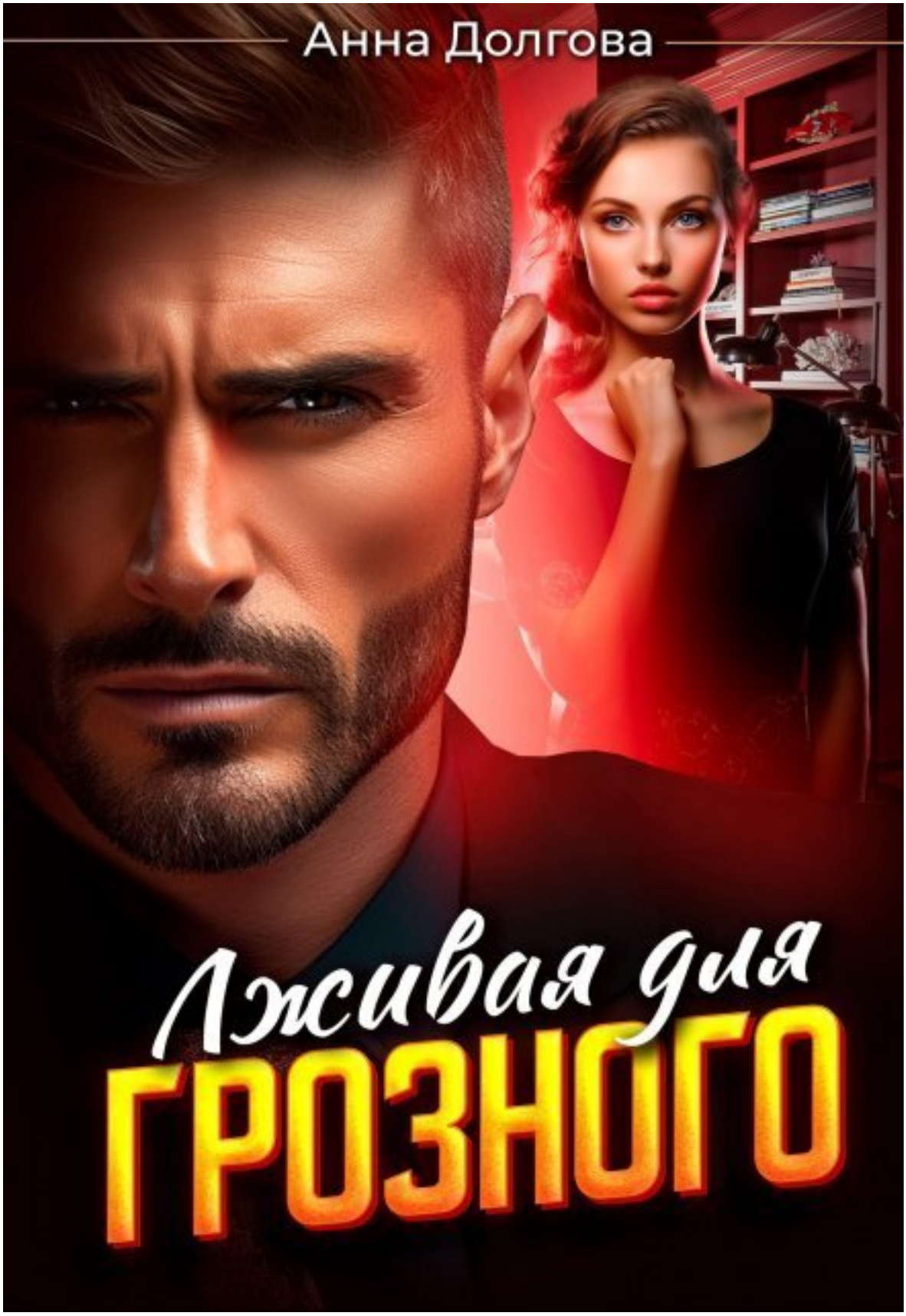
Сейчас он был мой. Весь. Со шрамами, с прошлым, с этой пугающей тишиной в глазах. Я прижималась к нему, чувствуя, как его руки сжимают мою спину, как губы блуждают по шее, как дыхание сбивается, становится хриплым и прерывистым.

- Алина, - прошептал он в мои волосы, и это было единственное слово, которое хотелось слышать.

Все остальное не имело значения.

****

https://litnet.com/shrt/BYyj

Я стала пленницей Грозного за долги своего покойного брата. Вот только похититель считает, что мой брат жив. А гибель была инсценировкой. Меня обещали пытать и держать взаперти, чтобы вызвать его гнев. Или же получить от меня признания, где спрятаны деньги. Грозный уверен, что я была сообщницей близкого родственника. Его наивность вызывает у

меня улыбку. Понимая, что брат за мной не придет, а Грозный – далеко не единственный, кто хочет выбить из меня деньги в прямом смысле этого слова, мне приходится выкручиваться. Я даже предпринимаю попытки соблазнения, сама не замечая, что попадаю в собственный же капкан...

Глава 4. Алина

Я не знала, что на меня нашло.

Всю свою жизнь я была удобной. Удобной для матери, которая не замечала меня, пока я приносила зарплату. Удобной для парней, которые брали меня в кино, потому что я не просила дорогих подарков. Удобной в постели – той самой, единственной за двадцать четыре года. С ним я лежала бревном, стесняясь каждого движения, каждого звука, не понимая, что вообще нужно делать. Я закрывала глаза и терпела, думая, что так и должно быть. Что секс – это про то, чтобы не отказать. Про то, чтобы потом он не ушел. Про то, чтобы быть хорошей.

Он все равно ушел. Через три месяца. Сказал, что я холодная и не умею любить.

Я поверила.

А теперь я сидела на коленях у мужчины с лицом, изрезанным шрамами, в ночном лесу, в чужой машине, и чувствовала, как его пальцы сжимают мои бедра так сильно, что завтра там будут синяки.

«Ты сошла с ума», - пульсировало в висках в такт сердцебиению. «Остановись. Ты его не знаешь. Он убьет тебя».

Но я не могла остановиться.

Я снова поцеловала его. В губы, в щеку, в шею, туда, где пульсировала жилка. Он замер на секунду, потом вдруг резко отодвинул меня, заглянул в глаза. В полутьме его взгляд был тяжелым, почти злым.

- Ты уверена? – спросил он хрипло.

- Да, - выдохнула, хотя ни в чем не была уверена.

Этого оказалось достаточно.

Он рывком стянул с меня куртку, потом блузку – грубо, нетерпеливо, пуговица звякнула и укатилась куда-то под сиденье. Я даже не оглянулась. Я сама рвала его рубашку, расстегивала ремень, дрожащими пальцами справлялась с пряжкой. Он помогал. Быстро, без лишних движений, будто делал это тысячу раз.

Кожаное сиденье было холодным. Я не чувствовала.

- Давай назад, - прорычал он, отодвигая свое кресло до упора.

Места стало больше, намного больше.

А потом он развернул меня. Сильным, уверенным движением, даже не спрашивая. Я оказалась к нему спиной, лицом к лобовому стеклу, за которым чернел лес. Фары погасли, ночь обступила машину со всех сторон.

Он вошел в меня резко.

Я вскрикнула. Не от боли, от неожиданности. Он был большой. Горячий. Живой. Его руки легли на мои бедра, направляя, задавая ритм. Я чувствовала его дыхание у себя на затылке, его губы на шее. Он не ласкал. Он брал.

А я… принимала.

Нет, не так. Я отвечала. Сама двигалась. Жестко, яростно, как будто внутри меня проснулся кто-то другой. Кто-то, кто не боялся быть громкой. Кто-то, кто не думал, что «так не делают». Кто-то, кому было все равно, удобна она или нет.

В голове не было ни одной мысли. Только тела. Только движение. Только он. Позади, его пальцы, впившиеся в мою талию, его хриплое дыхание, его член, который входил и выходил, входил и выходил, с каждым разом все глубже, все быстрее, все безумнее.

Я насаживалась на него так, будто хотела проткнуть себя насквозь. И, кажется, он не отставал. Он толкался навстречу, рывками, сбивчиво, иногда постанывая сквозь зубы, и эти звуки заводили меня еще больше.

Я не знала, сколько это длилось. Минуту? Полчаса? Вечность?

Я потеряла счет времени, потеряла себя, потеряла все, что будто знала о себе.

И вдруг… взрыв.

Небо раскололось на миллион осколков. Мир перевернулся. Я закричала в голос, не стесняясь, не закрывая рот, не думая о том, что в лесу могут быть люди. Меня трясло, колотило, тело выгибалось дугой, а внутри все сжималось и разжималось, сжималось и разжималось, волна за волной.

Первый оргазм в моей жизни.

Я не верила, что это возможно. Не со мной. Не с незнакомцем. Не в машине посреди леса.

Но это случилось.

Он кончил следом. Коротко, глухо, уткнувшись лицом мне в плечо, сжав меня так сильно, что затрещали ребра. И замер.

Мы сидели в тишине. Только наше дыхание – хриплое, прерывистое – нарушало покой ночи.

Я смотрела на темные силуэты деревьев за стеклом и не узнавала себя.

Я – та, которая боялась лишний раз раздеться при свете. Я – та, которая лежала бревном с единственным парнем, потому что не знала, что вообще нужно делать. Я – та, которая думала, что оргазм – это выдумки журналов и подруг.

Я только что скакала на мужике с охрененным стажем потрахушек с многочисленными бабами, как ненормальная, и… мне это нравилось.

Больше, чем все, что было в моей жизни.

А потом я подумала: «Все. Теперь он перережет мне горло».

Это была не паранойя. Это был холодный, трезвый расчет. Он приехал за мной, вывез в лес, занялся со мной сексом. А теперь, когда все кончилось, зачем ему живой свидетель? Я видела его лицо. Слышала его голос. Могла описать машину.

Маньяки так и делают. Я читала. Я смотрела документалки. Сначала очаровывают, потом убивают.

И самое безумное – мне было все равно.

Пусть. Пусть режет. Пусть закапывает в этом лесу. Пусть никто никогда не найдет мое тело.

Потому что я хотя бы узнала, как это – гореть. Как это – чувствовать. Как это – быть живой, хотя бы несколько минут.

Я закрыла глаза и приготовилась к смерти.

Но вместо удара ножом я почувствовала, как он убрал волосы с моей шеи и поцеловал. Легко, почти невесомо. Потом его руки легли на мои плечи, и он аккуратно, осторожно, будто я была хрустальной, развернул меня к себе лицом.

В темноте его глаза блестели.

- Ты как? – спросил он тихо.

Я не могла говорить. Просто смотрела на него и чувствовала, как по щекам текут слезы.

- Эй, - он провел большим пальцем по моей мокрой щеке. – Что с тобой? Я сделал больно?

Я покачала головой.

- Тогда что?

- Никогда... - прошептала я. – Никогда так не было.

Он посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом. Потом притянул к себе, укутал в свою куртку, которая валялась где-то на заднем сиденье, и прижал к груди.

- Отдохни, - сказал он. – Я отвезу тебя домой.

Я прижалась к его теплому, пахнущему табаком и потом телу и поняла, что впервые в жизни не хочу домой.

Я хочу остаться здесь.

С ним.

****

https://litnet.com/shrt/l1XK

Сестра моего врага налетела на меня буквально. Ошарашив и завладев моим сердцем в одно мгновение. Я - жесткий по жизни человек, высмеивающий окружающих, неуважающий

чужого мнения - теперь трепещу только лишь от ее нахождения рядом. Я - мужчина, на которого девки вешаются пачками и готовы сами сделать в постели все, что я затребую - оберегаю цветок целомудрия, сдерживая свои инстинкты, лежа с ней под одним одеялом...

А все почему? Потому что - она моя единственная. А за стеной ее комнаты лежит мой самый главный враг. Даже не догадывающийся о моем присутствии в его доме... В постели его младшей сестренки...

Глава 5. Алина

И я осталась…

Я не помню, как мы оказались в моей съемной квартире. Как мы оказались в постели. Память выбросила куски. Лифт, где он прижал меня к стене и целовал так, что у меня подкосились ноги. Коридор, где я уронила ключи, потому что пальцы не слушались. Порог, через который он перешагнул, даже не спросив разрешения.

Я никогда не приводила мужчин домой. Никогда.

Даже того, единственного, с кем встречалась целых три месяца, водила только до двери. Моя квартира была моей крепостью, моей раковиной, местом, где я пряталась от всего мира. Сюда не ступала нога ни одного постороннего мужчины. Здесь пахло только мной, дешевым стиральным порошком, сушеной ромашкой и одиночеством.

Теперь здесь пахло им.

Он ворвался в мою жизнь, как таран. Не спросил, не постучался, не попросился. Просто вошел, и все вокруг перестало существовать.

Я не помню, как мы разделись. Помню только, как его куртка упала на пол в прихожей. Как моя блузка застряла где-то на плече, и он сорвал ее, даже не пытаясь расстегнуть. Как его шершавые ладони скользнули по моей спине, сжимая, гладя, будто проверяли, настоящая ли я.

Потом постель. Моя узкая, скрипучая кровать, на которой я спала одна два года. Простыни были свежими – я меняла их вчера, но сейчас они сбились в комок под нашими телами, и мне было все равно.

Он лег на меня сверху, и я почувствовала тяжесть его тела. Горячего, живого, настоящего. Он весил больше меня. Намного больше, и это ощущение придавливало к матрасу, не давало дышать, но я и не хотела дышать. Я хотела только чувствовать.

Его губы – на моей шее, на ключицах, на груди. Не ласка. Нападение. Он кусал, оставлял следы, и я понимала, что завтра буду ходить в водолазке, но сейчас мне было все равно.

Его пальцы везде. Скользили по животу, спускались ниже, раздвигали, проникали. Я выгнулась, застонала, вцепилась в его плечи, оставляя царапины на старой коже со шрамами.

- Тише, - прошептал он, но я не могла.

Не умела.

Я никогда не была громкой. С тем, единственным, молчала, как рыба. Стеснялась. Думала, что если издам звук, он подумает, что я какая-то не такая. А теперь я стонала так, что, наверное, соседи за стенкой слышали.

И мне было плевать.

Он вошел в меня, когда я уже была мокрой насквозь, готовой, ждущей. Не медленно, не нежно. Резко, до конца, заполняя все пространство внутри. Я вскрикнула от неожиданности, от удовольствия, от того, как это было правильно.

Он замер на секунду, давая привыкнуть. Его лицо было прямо надо мной. Шрамы, морщины, тяжелый взгляд, в котором сейчас читалась не сталь, а что-то другое. Жар. Голод. Желание, которое он с трудом сдерживал.

- Смотри на меня, - сказал он, и я послушалась.

Я смотрела в его глаза, когда он начал двигаться. Сначала медленно, глубоко, будто пробуя на вкус каждое движение. Потом быстрее. Жестче. Ритм сбивался, становился хаотичным, и это заводило еще больше.

Я обхватила его ногами за талию, притягивая ближе, впуская глубже. Он зарычал. Да, именно зарычал, низко, гортанно, и это прокатилось по моему телу волной мурашек.

Моя кровать скрипела. Изголовье стучало об стену. Где-то внизу, наверное, уже проснулась соседка, но мне было все равно. Все, что существовало в этом мире – он. Его тело, его

руки, его член, который двигался во мне с такой уверенностью, будто знал меня лучше, чем я сама.

Он перевернул меня на живот. Резко, не спрашивая. Я не сопротивлялась. Я хотела, чтобы он делал со мной все, что захочет. Я была готова на все.

Он вошел сзади, и я закричала в голос, не закрывая рот, не стесняясь. Вцепилась в подушку, сжала зубами край наволочки, но звуки все равно вырывались наружу. Он держал меня за бедра. Пальцы впивались так сильно, что я знала – завтра там будут синяки. Я хотела этих синяков. Хотела следов. Хотела помнить об этом каждым кусочком своего тела.

Он трахал меня долго. Я потеряла счет времени. Мне казалось, что прошла вечность. А может всего несколько минут. Я не знала. Ничего не знала, кроме его рук, его дыхания, его низких стонов, которые он издавал, когда я сжималась вокруг него.

Я кончила первый раз, когда он был сверху, вжимая меня в матрас. Второй – когда сидел на краю кровати, а я на нем, двигаясь сама, выбирая ритм, глубину, скорость. Я водила бедрами так, будто всю жизнь только этим и занималась. Хотя еще сегодня утром думала, что секс – это что-то скучное и обязательное.

Третий раз был самым сильным. Он стоял на коленях на кровати, а я лежала на спине, задрав ноги ему на плечи. Он входил в меня резко, почти жестоко, и я смотрела на его лицо – сосредоточенное, потемневшее от желания, с прикушенной губой. И в какой-то момент мир перевернулся. Взрыв. Ослепительная вспышка. Мое тело выгнулось дугой. Я закричала так громко, что, наверное, разбудила весь дом, и слезы потекли из глаз – не от боли, от того, как много всего сразу.

Он кончил следом, уткнувшись лицом в мою шею, тяжело дыша, сжимая меня так, будто боялся, что я исчезну.

А потом была тишина.

Мы лежали в темноте, в моей маленькой, тесной комнате, на сбитых простынях, и я чувствовала, как его сердце бьется. Часто, гулко, прямо у моего уха.

Я смотрела в потолок и не узнавала себя.

Та Алина, которая боялась лишний раз раздеться при свете, которая думала, что оргазм – это выдумки, которая не приводила мужчин домой, потому что стеснялась старого дивана и дешевого линолеума – она куда-то исчезла.

На ее месте лежала я. Голая, мокрая, счастливая до слез, с незнакомцем в собственной постели.

Что со мной сделал этот мужчина?

Повернула голову. Он лежал на спине, смотрел в потолок. Одна рука была под головой, вторая – на моем бедре. Просто лежала, согревая. Его профиль в полутьме казался высеченным из камня.

Я протянула руку и провела пальцами по его груди. Жесткие волосы, шрамы, старая татуировка, смысла которой я не разобрала. Он не остановил меня. Не сказал ни слова.

- Ты кто? – прошептала в тишину.

Он повернул голову, посмотрел на меня. В темноте его глаза блестели.

- Свой, - ответил он, как тогда, в салоне, но потом добавил словно уточняя. – Твой.

Я закрыла глаза и провалилась в сон, чувствуя, как его рука сжимает мое бедро крепче.

За окном уже брезжил рассвет. Мы не спали почти всю ночь. И я ни о чем не жалела.

Ни о чем.

Глава 6. Алина

Я проснулась от того, что кто-то гладил меня по волосам.

Сначала подумала, что это сон. Рука была тяжелой, теплой, пальцы медленно перебирали пряди, от макушки до кончиков, и от этого по всему телу разливалась странная, давно забытая нежность. Я не помнила, когда меня в последний раз кто-то так трогал. Наверное, никогда.

Открыла глаза.

Свет пробивался сквозь дешевые жалюзи, полосами ложился на пол, на разбросанную одежду, на его лицо. Он лежал на спине, повернув голову ко мне, и смотрел. Просто смотрел. Не отрываясь, не мигая. В его взгляде не было ни усталости, ни сожаления. Только спокойствие и что-то еще, чему я не могла подобрать названия.

- Ты не спишь? – спросила шепотом, хотя по жалюзи уже поняла, что утро давно наступило.

- Не сплю, - ответил он.

Голос низкий, хриплый со сна, но твердый, как будто он вообще никогда не был расслаблен.

- Давно?

- Часа два.

Я приподнялась на локте, посмотрела на него. Ему было за пятьдесят – это я точно помнила из его паспорта. Шрамы, морщины, седина на висках. Под глазами тени. Но было в нем что-то такое, от чего невозможно было отвести взгляд. Может, глаза. Темные, глубокие, с каким-то нечитаемым дном.

- И ты все это время просто лежал и смотрел? – спросила я.

- А что мне еще делать? – уголок его губ дернулся в усмешке. – Телевизор у тебя маленький, кофе нет, сигареты кончились. Осталось только на тебя смотреть.

Я улыбнулась. Неловко, смущенно, пряча глаза. И вдруг почувствовала, как он перехватил мою руку и притянул к себе.

- Иди сюда, - сказал он, и я не стала сопротивляться.

Я легла ему на грудь, чувствуя, как под щекой бьется сердце. Ровно, спокойно, надежно. Он обнял меня одной рукой, второй продолжал гладить по волосам. Мы лежали так долго. Минуту. Пять. Десять.

Тишина не была неловкой. Она была теплой, как одеяло, в которое мы закутались, когда я замерзла ночью.

- Расскажи мне что-нибудь, - попросила я.

- О чем?

- О себе.

Он замолчал. Я чувствовала, как под моей щекой напряглись мышцы его груди.

- Алина, - сказал он после паузы. – Ты хорошая девчонка. Не лезь в мою жизнь.

- Почему?

- Потому что там ничего хорошего.

Я подняла голову и посмотрела ему в глаза. Он не отвел взгляд.

- Ты сидел в тюрьме, да? – спросила прямо.

Он не ответил. Ни «да», ни «нет». Просто смотрел на меня, и этого молчания было достаточно.

- Я знаю такие взгляды, - добавила тихо. – Мой отец сидел. Два раза. Потом его убили.

Его брови чуть дрогнули. Первая эмоция, которую я увидела на его лице с тех пор, как мы проснулись.

- Расскажи, - сказал он, и я поняла – вопрос прозвучал не как просьба.

Как приказ. Но мягкий, почти невесомый.

Вздохнула. Убрала волосы с лица.

- Мне было десять. Отец торговал чем-то… я не знала чем. Мать говорила «бизнес». Потом пришли какие-то люди, и его больше не стало. Мать запила. А я осталась одна. Соседи помогали, бабушка, но она умерла через два года. Так и живу.

- Одна?

- Одна.

- А парни?

Я помолчала. Он ждал.

- Был один. Год назад. Встречались три месяца. Он… - я запнулась.

Мне вдруг стало стыдно. Не за то, что было, а за то, как мало я об этом говорила.

- Он сказал, что я холодная. Что не умею любить. Ушел.

- Дурак, - сказал Свой.

- Что?

- Дурак, - повторил он, и в голосе вдруг прорезалась та сталь, которую я уже слышала в салоне. – Ты не холодная. Ты просто боялась.

Я удивилась. Как он мог это знать? Мы знакомы меньше суток, а он уже видел меня насквозь. Лучше, чем те, кто жил рядом годами.

- Откуда ты… - начала я, но он перебил.

- Вчера ночью ты не была холодной. И не боялась.

Я покраснела. Так сильно, что, наверное, покраснели даже уши. Не выдержала и уткнулась лицом ему в грудь, чтобы он не видел.

- Не надо, - пробормотала очень тихо.

- Что не надо?

- Говорить об этом.

- Почему? – его пальцы снова запутались в моих волосах. – Тебе было плохо?

- Нет, - прошептала слишком чувственно. – Хорошо. Очень.

- Тогда почему стесняешься?

Я не знала, что ответить. Потому что я стеснялась всего. Своего тела, своего голоса, своих желаний. Потому что привыкла, что мои желания никого не волнуют. Потому что думала, что если я хочу слишком многого, то меня накажут.

Он не стал ждать ответа. Просто притянул меня ближе и поцеловал в макушку.

- Расскажи мне о себе еще, - попросил он.

- А ты?

- Потом.

Я понимала, что он не скажет. Понимала, что он выуживает из меня информацию, а сам остается закрытым, как сейф. Но мне почему-то хотелось говорить. Хотелось, чтобы он знал. Хотелось, чтобы он слышал.

- Мать пьет, - сказала честно. – Давно. С тех пор как отца убили. Я прихожу раз в месяц, приношу продукты, деньги. Она меня почти не узнает. Потом звонит, плачет, просит прощения. Потом опять. Я привыкла.

- А работа?

- Работа – спасение, - искренне ответила. – Там я хотя бы на что-то годна. Машины не предают. Цифры не пьют. Клиенты, конечно, бывают козлами, но это мелочи.

- Ты любишь машины?

- Да, - удивившись собственному ответу, подняла голову. – Странно, да? Девчонка, а любит железо. Но я правда люблю. В них есть логика. Если что-то сломалось - можно починить. В людях так не бывает.

- Бывает, - сказал он тихо. – Но редко.

- А ты? – спросила, набравшись смелости. – Ты что любишь?

Он помолчал. Я чувствовала, как он раздумывает, стоит ли отвечать.

- Тишину, - сказал он, наконец. – И скорость.

- Это все?

- Это много.

Я улыбнулась. Он снова ничего не рассказал о себе, но даже эта кроха показалась мне драгоценной. Тишина и скорость. В этом было что-то очень правильное. Очень его.

- Алина, - позвал он.

- М?

- Ты сейчас на что живешь?

Вопрос прозвучал неожиданно. Я открыла глаза.

- Как все. Зарплата. Премия. Иногда подработки – помогаю друзьям с бумагами, налоги.

- Много зарабатываешь?

- Хватает, - я чуть помолчала. – На квартиру, на еду, на мать. Остается немного, я откладываю.

- На что?

- Не знаю. На черный день.

Он хмыкнул.

- Черный день приходит без спроса. К нему нельзя подготовиться.

- А ты подготовился?

Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно. В его глазах промелькнуло что-то – уважение, удивление, может быть, предостережение.

- Я – д ругое дело.

- Почему ты меня спрашиваешь про деньги? – спросила прямо.

- Интересно.

- Врешь.

Он улыбнулся впервые за это утро. Не усмехнулся, не скривился, а именно улыбнулся. Тепло, чуть грустно, будто я сказала что-то забавное и одновременно правильное.

- Умная, - сказал он. – Это хорошо.

- Для чего? – снова спросила.

Он не ответил. Откинулся на подушку, закрыл глаза. Я осталась лежать на его груди, чувствуя, как его пальцы продолжают перебирать мои волосы.

Я понимала, что он что-то задумал. Понимала, что его вопросы про деньги, про квартиру, про подработки – не праздное любопытство. Он что-то во мне высматривал. Что-то примерял.

Но я не спрашивала. Потому что боялась ответа. И потому, что впервые за долгое время мне не хотелось ничего портить.

Я просто лежала и слушала, как бьется его сердце.

Утро за окном становилось светлее. Мы так и не задернули жалюзи до конца, и солнечные полосы медленно ползли по полу, по стенам, по его руке, которая обнимала меня за плечи.

- Свой, - позвала тихо.

- М?

- А ты останешься?

Он открыл глаза. Посмотрел на меня. Я ждала ответа, затаив дыхание.

- На сегодня – да, - сказал он.

Не «да», не «нет». «На сегодня». Будто каждый день он будет решать заново.

Я вздохнула и прижалась к нему сильнее.

Это было больше, чем я просила. И меньше, чем я хотела.

Но другого не было.

И я была благодарна за это.

Глава 7. Алина

Второй раз проснулась от голода.

Его рука все еще лежала на моем бедре, дыхание было ровным, глубоким. Он спал. По-настоящему, впервые за эту ночь. Я осторожно выскользнула из-под его тяжелой ладони, натянула футболку, которая валялась на полу, и на цыпочках вышла на кухню.

Моя кухня была маленькой, тесной, с облезлым фартуком над раковиной и старой плитой, которая грела дольше, чем я хотела бы. Но здесь пахло домом. Моим домом. Единственным местом, где я чувствовала себя в безопасности.

До сегодняшнего утра.

Теперь безопасность пахла иначе. Табаком. Кожей. Мужчиной, который спал в моей постели.

Я открыла холодильник. Яйца, сыр, немного зелени, масло. В шкафчике нашлась мука и старая заварка. Я умела готовить – это было единственное, чему меня научила мать до того, как ушла в запой. «Девчонка должна уметь кормить мужика», - говорила она, и я запомнила. Не потому что верила. Просто больше нечему было учиться.

Я достала миску, разбила яйца, добавила молока, взбила венчиком. На плите зашипело масло. Я резала сыр тонкими пластинами, прислушиваясь к тишине.

А потом услышала шаги.

Босые, тяжелые, уверенные. Он вошел на кухню в одних штанах, не спрашивая, не стучась. Просто появился на пороге, как будто всегда здесь был.

- Доброе утро, - сказала, не оборачиваясь.

Голос мой дрожал, но я надеялась, что он не заметит.

- Оно и правда доброе, - ответил он.

Я почувствовала его руки на своей талии раньше, чем услышала шаги. Он подошел сзади, прижался грудью к моей спине, положил подбородок на плечо.

- Чем пахнет?

- Омлет, - говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – С сыром.

- Алина, - он чуть отстранился, заглянул в мои глаза, - ты умеешь готовить?

- А ты сомневался?

- В тебе – нет.

Он отпустил меня, сел за маленький кухонный стол, который я когда-то купила на распродаже за копейки. За этим столом я пила утренний кофе одна. За этим столом плакала по ночам, когда никто не видел. За этим столом проверяла счета и откладывала деньги на мамины таблетки.

Теперь за ним сидел он. Чужой мужчина. Чужой и одновременно… свой.

Наливала омлет на сковороду, чувствуя его взгляд на своей спине. Он не отводил глаз. Я знала это, даже не оборачиваясь.

- Хорошая квартира, - сказал он.

- Маленькая.

- Уютная, - он помолчал. – Давно снимаешь?

- Второй год.

- Одна?

- Одна.

- А дом… как?

Я перевернула омлет лопаткой, давая ему подрумяниться с другой стороны.

- Какой дом?

- Ну, где ты выросла.

- Чужой, - ответила, словно отмахиваясь от его слов. – Он, конечно, родительский. Мать там, а я ушла оттуда, как только смогла.

- Почему?

- Там невозможно было жить.

Я не стала уточнять. Он и так понял.

Омлет подрумянился. Я выключила плиту, переложила его на тарелку, добавила зелень, разрезала на две части. Поставила перед ним, себе напротив. Села, чувствуя, как скрипит старый стул.

Он смотрел на тарелку. Потом на меня.

- Ты, правда, сама это сделала?

- А кто еще? – улыбнулась смущенно. – Домовой не завелся.

Он взял вилку, попробовал. Я ждала, затаив дыхание. Он жевал медленно, внимательно, будто оценивал не только еду, но и что-то большее.

- Вкусно, - сказал он, наконец. – Давно не ел домашнего.

- А что, тебя не кормят?

- Некому.

- Женщины нет?

Он поднял на меня глаза. Взгляд стал тяжелым. Не злым, но предупреждающим.

- Есть, - сказал он. – Но не в том смысле.

Я не стала уточнять. Я уже поняла: о прошлом он говорить не будет. Ни о женщинах, ни о семье, ни о том, где был вчера. Все, что я знала о нем – это его кличка, его шрамы и то, как его руки сжимали мое тело в темноте.

- А у тебя есть кто-нибудь? – спросил он, жуя. – Кроме матери?

- Вы, - ответила честно и даже немного нагло, словно желая прощупать его отношение к себе.

- Это я сейчас. А до меня? – даже не смутился от моего заявления.

- Никого.

- Совсем?

- Совсем.

Он отложил вилку, посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

- Как ты выживаешь?

- Работаю.

- А душа?

Я не поняла вопроса.

- Что душа?

- На чем душа держится? У каждого есть что-то, ради чего он встает утром. Деньги, слава, любовь, дети… У тебя?

Я задумалась. Странно, но я никогда не задавала себе этот вопрос. Просто жила. Просто выживала. Просто двигалась от зарплаты до зарплаты, от визита к матери до визита к матери.

- Машины, - сказала, наконец. – Когда я работаю с ними, я… не знаю, как объяснить. Чувствую, что нужна. Что умею.

- А люди?

- Люди сложнее, - усмехнулась, но получилось как-то горько. – Им не объяснишь на пальцах, какое масло заливать.

Он улыбнулся. Коротко, одними глазами.

- Ты необычная, Алина.

- Это плохо?

- Это редко.

Мы ели молча. Я допила холодный чай, потому что заварить новый не успела. Он доел свой кусок, отодвинул тарелку и взял меня за руку.

- Слушай, - сказал он. – А ты можешь делать документы?

- Какие?

- Любые. Договоры, счета, накладные.

- Могу, - ответила осторожно. – Я же продавец. Это моя работа.

- А если неофициально?

Я замерла, предчувствуя что-то нехорошее.

- В каком смысле?

Он отпустил мою руку, откинулся на спинку стула. Смотрел на меня спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась сталь.

- В прямом. Иногда бывают задачи, которые лучше решать без лишних глаз.

- Какие задачи? – спросила инстинктивно, хотя уже догадывалась.

- Не сейчас, - ответил он. – Потом. Я просто спрашиваю: ты сможешь?

Я хотела сказать «нет». Должна была сказать «нет». Это было правильное, безопасное, разумное решение. Не ввязываться. Не лезть. Не рисковать.

- Смогу, - услышала свой голос.

Он кивнул. Ни удивления, ни радости, ни облегчения. Будто он знал мой ответ еще до того, как я его произнесла.

- Хорошо, - сказал он. – Тогда договорились.

Я открыла рот, чтобы спросить – о чем именно мы договорились? Но не успела.

Он поднялся из-за стола, подошел ко мне, взял за подбородок и поцеловал. Не спрашивая, не торгуясь. Просто взял.

Я ответила. Конечно, я ответила.

Его руки скользнули по моим плечам, по шее, по футболке, которая была слишком тонкой для утра. Он приподнял меня со стула, не отрываясь от губ, и посадил на край стола.

Тарелка с остатками омлета звякнула и чуть не упала. Я даже не оглянулась.

Он стоял между моих ног, одной рукой сжимая мое бедро, другой зарываясь в волосы. Я чувствовала его дыхание, его желание, которое проснулось быстрее, чем я успела понять, что происходит.

- Свой… - прошептала не понимая зачем, но явно не желая останавливать его.

- Молчи, - ответил он тихо, и я замолчала.

Потому что не хотела говорить.

Потому что хотела только чувствовать.

А он... он хотел того же. Я знала это по его пальцам, которые уже стягивали с меня футболку, по его губам, которые спускались все ниже, по его дыханию, которое становилось прерывистым.

Но прежде чем мы перешли ту грань, за которой уже не было возврата, он отстранился на секунду. Посмотрел на меня – растрепанную, раскрасневшуюся, сидящую на кухонном столе среди грязных тарелок.

- Ты уверена? – спросил он.

- Да, - выдохнула прерывисто, хотя ни в чем не была уверена.

Кроме одного. Я хотела его. Прямо сейчас. Прямо здесь.

И он это знал.

Глава 8. Алина

Он смотрел на меня долгую секунду. В полумраке кухни его лицо казалось высеченным из камня: шрамы, морщины, тяжелая линия подбородка. И глаза – темные, глубокие. В них читалось что-то, чего я не могла разгадать. Желание? Власть? А может, холодный расчет, который я отказывалась замечать.

Но он уже не оставил мне времени на размышления.

Одним движением он сдвинул меня ближе к краю стола, второй рукой смахнул остатки еды. Тарелка звякнула об пол, вилка покатилась под холодильник. Я даже не вздрогнула. Мне было все равно на посуду, на крошки, на то, что соседи за стенкой могут услышать.

Он стоял между моих ног, раздвинутых и приглашающих. Его пальцы скользнули по моим бедрам, подцепили резинку трусов и стянули их одним рывком. Я почувствовала, как холодный воздух коснулся разгоряченной кожи, и выгнулась навстречу.

Но вместо того, чтобы войти, он опустился на колени.

Я не ожидала этого. От неожиданности вцепилась в край стола, пальцы побелели. Он оказался ниже меня, его лицо – на уровне моего живота. Он смотрел на меня снизу вверх, и в этом взгляде было что-то первобытное, голодное, нечеловеческое.

- Свой… - прошептала я.

- Молчи, - ответил он, и я сразу замолчала.

Его руки легли на мои бедра, раздвинули их шире. Я чувствовала его дыхание – горячее, прерывистое – на самой чувствительной своей части, и от этого у меня подкосились колени. Если бы я не сидела на столе, упала бы.

Он поцеловал меня там.

Сначала просто коснулся губами, будто пробуя на вкус. Я вздрогнула, выгнулась, пальцы вцепились в его волосы. Он не отстранился. Наоборот. Придвинулся ближе, провел языком медленно, снизу вверх, от входа до самого клитора.

Я застонала. Громко, не стесняясь. Потому что это было нечто иное, чем все, что я знала. Никогда – слышите, никогда – никто не делал этого со мной. Тот единственный парень, мой бывший, даже не предлагал. А если бы предложил, я бы, наверное, отказалась от стеснения.

А сейчас я сидела на собственном кухонном столе, раздвинув ноги перед мужчиной, которого знала меньше суток, и чувствовала, как его язык творит со мной что-то невообразимое.

Он работал медленно, неторопливо, будто у него была вечность. Круговые движения, нажатия, легкие пощипывания губами. Я теряла голову. Мои пальцы запутались в его седых волосах. Я то прижимала его ближе, то отталкивала, потому что становилось слишком хорошо.

Слишком.

Он не останавливался. Его язык проникал внутрь, имитируя движения, от которых у меня темнело в глазах. Я чувствовала, как нарастает напряжение – то самое, которое он научил меня распознавать в лесу. Оно росло, закручивалось в тугую пружину где-то внизу живота, расползалось по ногам, по спине, по рукам, которые дрожали на столешнице.

- Свой, я сейчас… - простонала с трудом.

Он не ускорился. Наоборот… Замедлился, заставил меня ждать, мучиться, выгибаться навстречу его языку, умолять без слов. Его пальцы впились в мои бедра, удерживая на месте, не давая двигаться.

- Не торопись, - прорычал, не отрываясь от меня.

И продолжил.

Когда я кончила, мир взорвался. Я закричала в голос, не стесняясь, не думая о соседях. Мое тело выгнулось дугой, голова откинулась назад, глаза закрылись. Внутри все сжималось и

разжималось, волна за волной, а он не останавливался. Продолжал ласкать языком, продлевая мое падение, вылизывая каждую каплю моего удовольствия.

Я кончала долго. Очень долго. И когда последняя волна, наконец, отпустила, обмякла на столе, тяжело дыша, чувствуя, как по лицу текут слезы. Не от боли. От того, как много.

Он поднялся с колен. Его лицо было мокрым, губы блестели. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах горел тот самый голод, который я уже видела в лесу.

- Руки на стол, - приказал он тихо.

Я послушалась. Ладони легли на холодную столешницу, пальцы вцепились в край. Я ждала, затаив дыхание, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Он вошел в меня резко, одним толчком, до конца. Я вскрикнула, но не от боли, а от того, как легко скользнул внутрь после всего, что он только что сделал. Мокрая, открытая, готовая.

Он начал двигаться. Жестко. Размеренно. С каждым толчком придвигая меня ближе к краю стола, к краю себя, к краю чего-то, что я не могла контролировать.

Я смотрела прямо перед собой. На стену с облезлыми обоями, на старую плиту, на заварник, который стоял на конфорке. Все это было моим. Моя кухня. Моя жизнь. Мое одиночество, которое он разрушил в одну ночь.

И я вдруг поняла.

Он появился в моей жизни не случайно. Не ради машины. Не ради ночи. Он пришел за чем-то большим. Я не знала, что именно ему нужно, но знала наверняка: он хочет втянуть меня в свои дела. Использовать мою работу, мои документы, мой доступ к базе салона. Я вспомнила его вопросы про зарплату, про подработки, про то, могу ли я делать документы. Это не было праздным любопытством. Он прощупывал почву. Примерял меня к чему-то, о чем пока молчал.

И я должна была бояться. Должна была остановиться. Должна была оттолкнуть его, убежать, позвонить в полицию.

Но я не могла.

Потому что за эту ночь этот мужчина стал для меня чем-то большим, чем просто незнакомец. Он увидел меня. По-настоящему. Не продавца в синем пиджаке, не удобную девочку, которая боится громких голосов. Он увидел ту, другую Алину. Ту, что кричала в лесу, ту, что скакала на нем в машине, ту, что не боялась хотеть.

И я боялась потерять это. Потерять его. Потерять себя новую – ту, которую он во мне разбудил.

Поэтому я не убегала. Поэтому раскрылась перед ним. Поэтому сейчас, на этом столе, позволяла ему делать со мной все, что он захочет.

Он ускорился. Толчки стали короче, глубже, злее. Я чувствовала, как нарастает новое напряжение – второе за это утро. Оно росло быстрее, потому что я была уже мокрой, готовой, почти на грани.

- Свой, - только и простонала.

- Да, - ответил он хрипло.

Его пальцы впились в мои бедра сильнее, он притянул меня к себе, входя еще глубже. Я закричала и меня накрыло с головой. Кончала долго, волнами, чувствуя, как он продолжает двигаться во мне, продлевая каждую секунду.

Он кончил следом. Рывком прижал меня к себе, уткнулся лицом в мою шею и замер. Я чувствовала его дыхание. Горячее, прерывистое, на своей коже. Чувствовала, как бьется его сердце – часто, гулко, прямо за моей спиной.

Мы стояли так посреди моей маленькой кухни, тяжело дыша, не двигаясь. Посуда на полу, сбитые простыни в спальне, разорванная футболка на стуле – все вокруг напоминало о том, что здесь произошло.

Он первым отстранился. Не вышел из меня, не убрал руки. Просто чуть отодвинулся, чтобы заглянуть в лицо.

Его губы коснулись моего уха.

- Алина, - сказал он тихо.

Шепотом, от которого у меня побежали мурашки по всему телу.

- М? – выдохнула словно с облегчением.

- Мне нужно вернуть машину. Обратно в салон.

Я замерла.

Сердце, которое только что билось ровно, снова сорвалось в галоп. Я чувствовала его внутри себя, чувствовала его руки на своей талии, чувствовала его дыхание на своей шее.

И понимала – игра началась.

Но вслух сказала только одно:

- Зачем?

А он улыбнулся той своей улыбкой. Темной, опасной, от которой хотелось бежать без оглядки и одновременно падать в его объятия снова и снова.

- Потом объясню, - сказал спокойно. – А сейчас… мне нужна сигарета. И кофе.

Он вышел из меня медленно, не торопясь, и я почувствовала пустоту. Физическую, настоящую. По телу пробежала дрожь. Я осталась сидеть на столе. Голая, мокрая, сбитая с толку, с одним-единственным вопросом в голове:

«Что я только что сделала?»

Но ответа не было.

Было только утро и чувство, что обратной дороги нет.

И, кажется, я не хотела обратной дороги.

Глава 9. Алина

Я не помнила, как он ушел. Кажется, я уснула у него на плече, а проснулась уже одна. На сбитых простынях, с одеялом, накинутым до подбородка. На кухне стояла помытая чашка и дымилась свежая заварка. Он заварил мне кофе. И ушел.

Перед этим был день, который я почти не помню.

Мы трахались. Потом спали. Потом снова трахались.

В душе, на полу в коридоре, на диване, который в два раза меньше его роста. Я не знала, откуда во мне столько сил. Не знала, откуда в нем столько страсти. Ему за пятьдесят, а он мог часами. И я могла. Я, которая всегда думала, что секс – это десять минут скуки и чувство вины.

Со Своим все было иначе. Я забывала, кто я. Забывала, где нахожусь. Забывала, что завтра на работу. Я просто была. Его, для него, на нем...

Он почти ничего не рассказывал о себе. Я спрашивала, а он уходил от ответа, переводил тему, задавал встречные вопросы. И я, дура, отвечала. Рассказывала про мать, про отца, про детство, про мечты, которых никогда не было. Он слушал внимательно, не перебивал, иногда гладил по голове.

И я таяла.

Но ни разу – ни разу – он не сказал, где живет. Кем работает. Откуда у него шрамы на лице. Почему у него такие руки – сильные, умелые. Почему он не носит обручальное кольцо, и должно или оно быть вообще. Почему выбрал именно меня…

Я не знала о нем ничего. Но знала, что готова лечь под него снова. Прямо сейчас. Прямо здесь.

Салон встречал меня запахом новых покрышек и Вероникой, которая уже поджидала у входа с чашкой кофе и ехидной улыбкой.

- О, смотрю, ты живая, - протянула она, окидывая меня взглядом с головы до ног. – А я уж думала, тебя убили.

- С чего вдруг? – спросила, проходя к своему столу.

- Ну, выходные ты не брала, на звонки не отвечала, в соцсетях не появлялась. Я уже хотела в полицию звонить.

Я промолчала. Телефон я действительно отключила. Он попросил. Сказал: «Никому не звони, никому не пиши. Будем только мы». Я послушалась. Как дура. Как последняя дура, которая влюбилась в мужчину с лицом, изрезанным шрамами, и даже не знает его настоящего имени.

Вероника прищурилась.

- Алина, ты краснеешь, - она подошла ближе, понизила голос. – У тебя кто-то появился?

- Нет, - слишком быстро ответила, чем и спровоцировала подозрения.

- Врешь, - все еще с прищуром рассматривала меня Вероника.

- Не вру.

Она наклонилась к моей шее и вдруг улыбнулась широко, почти радостно.

- А это что?

Я машинально прижала руку к вороту. Вчера он оставил засос. Прямо там, где не спрячешь под блузку. Я думала, что прикрыла тональным кремом. Видимо, плохо.

- Ничего, - буркнула под нос.

- Алина! – Вероника всплеснула руками. – Я знала! Я знала, что тот мужик с Х6 – не просто покупатель!

- Тише ты, - зашипела, оглядываясь.

Семена Петровича пока не было, но Леха уже крутился у кофемашины и косился в нашу сторону.

- Никому ни слова.

- А он хорош? – Вероника присела на край моего стола, сложив руки на груди. – Ну, тот, с кем ты выходные провела. Хорош?

Я не ответила. Но, наверное, мое лицо сказало все.

- Ого, - выдохнула она. – Я такого выражения у тебя ни разу не видела. Ты что, втрескалась?

- Вероника, отстань, пожалуйста. Мне работать надо.

Она подняла руки, показывая, что сдается.

- Ладно-ладно. Но потом расскажешь. Все в деталях.

Она ушла, покачивая бедрами, а я осталась сидеть за столом, глядя в монитор и не видя ни одной цифры.

Он занимал все мои мысли. Его руки. Его голос. Его глаза, которые видели меня насквозь. Я не знала, куда он делся после того, как заварил мне кофе. Не знала, когда вернется. Не знала, вернется ли вообще.

Телефон завибрировал.

Схватила его, будто от этого зависела жизнь. Одно сообщение. От него. Без подписи, без номера. Новый контакт, который он добавил сам, пока я спала.

«Сделала?»

Сердце ухнуло вниз.

Я знала, о чем он. Вчера, после того как мы закончили, он сидел на краю кровати, курил и смотрел в окно. А потом сказал:

- Завтра мне нужно, чтобы ты кое-что сделала в салоне.

Я тогда не поняла. А теперь…

Он хотел, чтобы я вернула машину. Ту самую, черный X6, которую он купил у меня за наличные. Он хотел, чтобы я оформила возврат, а потом продала ее другому человеку. Его знакомому. В обход всех процедур. С данными, которые он мне уже передал – они лежали в телефоне, в заметках.

Я знала, что это неправильно. Знала, что так не делается. Знала, что если Семен Петрович или бухгалтерия увидят, что один и тот же автомобиль возвращен и тут же продан снова, возникнут вопросы. Но он сказал, что сделает так, чтобы никто не увидел. Что это его часть работы.

А моя часть – просто нажать кнопки.

Я сидела и смотрела на сообщение.

«Сделала?» - одно слово, от которого у меня тряслись руки.

Я не сделала. Я боялась. Все утро, пока ехала в салон, уговаривала себя, что не буду этого делать. Что откажусь. Что скажу ему, нет. Я не могу. Не хочу. Не буду.

Но он написал. Всего одно слово. И я поняла, что отказаться не смогу.

Потому что если откажусь, он уйдет. Просто возьмет и исчезнет. И я опять останусь одна. В своей съемной квартире, на своей скрипучей кровати, со своим остывшим кофе и пустотой внутри.

Я не хотела этой пустоты. Я лучше сделаю что угодно. Даже то, за что меня могут уволить.

Я открыла базу.

Руки дрожали, когда вводила логин и пароль. Я нашла VIN-номер того самого X6. Открыла карточку автомобиля. Он все еще числился как «продан» Своему. Нужно было сделать «возврат». Выбрала причину - «отказ клиента по семейным обстоятельствам». Клиент – Свой. Данные у меня были – он оставил копию паспорта в день покупки.

Нажала «сохранить». Система приняла.

Все. Автомобиль снова в салоне. Как будто ничего и не было. Как будто эти три дня, проведенные со мной, с ним, в лесу, на моей кровати не происходили.

Но они были.

Я перевела дух. Потом открыла карточку нового покупателя – Андрей Николаевич Смирнов, сорок пять лет, паспорт серии… Я вбила данные, которые дал мне Свой. Цена – те же шесть миллионов восемьсот тысяч. Ни больше, ни меньше. Просто продажа другому человеку. Обычная продажа, каких в салоне бывает по десять в день.

Разница была только в том, что этой продажи не должно было быть. Потому что этот автомобиль уже продали. А теперь вернули. И продали снова.

Я оформила договор купли-продажи. Распечатала. Подписи нового владельца не было. Свой сказал, что он подпишет сам, когда будет забирать машину. Мне оставалось только вбить данные и ждать.

Я нажала «сохранить» последний раз.

Готово.

Автомобиль возвращен одним человеком и продан другому. С разницей в пятнадцать минут. Свой получит обратно все свои деньги. Ни копейкой больше. Просто вернет то, что заплатил. А новый покупатель получит новую машину без очереди.

Закрыла базу и откинулась на спинку стула. Руки тряслись. Пальцы не слушались. Перед глазами все плыло.

Я взяла телефон.

«Сделала», - написала коротко, не надеясь на ответ.

Но ответ пришел через три секунды.

«Жду дома».

Я выдохнула.

Он ждет. Дома. У меня.

Слово «дома» кольнуло где-то под ребрами. Он сказал «дома». Не «у тебя», не «в твоей халупе».

Дома.

Будто это место стало нашим. Будто у нас с ним общий дом.

Я улыбнулась. Сквозь страх, дрожь, чувство вины. Улыбнулась.

Вероника снова проходила мимо, заметила мою улыбку и покачала головой.

- Втрескалась, - констатировала она. – По уши.

Не стала спорить.

Она была права. Я втрескалась. Я влипла. Я попала в капкан, из которого не хотела выбираться.

Потому что он – Свой. Потому что он ждет меня дома. Потому что ради этих двух слов я готова на все.

Даже на то, что только что сделала.

Я посмотрела на часы. До конца смены еще четыре часа. Я не знала, как их переживу. Каждая минута растягивалась в час, каждый час – в вечность.

«Жду дома».

Я перечитала сообщение еще раз. И еще. И еще.

А потом убрала телефон в карман и пошла искать Семена Петровича, чтобы отчитаться о продаже. О новой продаже. Той, которой не должно было быть.

Глава 10. Алина

Я летела домой, как на крыльях.

Автобус тащился медленно. На каждой остановке кто-то входил, кто-то выходил, и я готова была выпрыгнуть в окно от нетерпения. Пальцы сжимали телефон в кармане. Перечитывала его сообщение раз за разом, пока буквы не начали расплываться.

«Жду дома».

Дома. Он сказал «дома».

Выскочила на своей остановке, пробежала мимо старых панельных пятиэтажек, мимо песочницы, где еще возились дети, мимо скамейки с бабушками, которые проводили меня осуждающими взглядами. Мне было все равно.

На лестнице запыхалась. Ключи дрожали в руках, никак не попадали в замочную скважину. Тихо выругалась, прислонилась лбом к двери и услышала его шаги. Он шел открывать. Он знал, что я здесь.

Дверь распахнулась.

Он стоял на пороге. В своих джинсах, без куртки, в простой черной футболке, которая обтягивала широкие плечи. В руках полотенце, за спиной запах жареного лука и мяса. На кухне что-то шипело на плите.

- Заходи, - сказал он, и я зашла.

Свой закрыл дверь, и я тут же бросилась к нему. Не помню, как оказалась в его объятиях. Просто вдруг прижалась грудью к его груди, вцепилась в футболку, потянулась к губам.

Он целовал меня так, будто мы не виделись год, а не несколько часов. Жестко, властно. С той самой голодной страстью, от которой у меня подкашивались колени. Его рука сжала мою талию, вторая зарылась в волосы на затылке. Я застонала ему в рот, и он в ответ прикусил мою нижнюю губу. Достаточно больно, чтобы я вскрикнула, но не достаточно, чтобы остановиться.

Я не хотела останавливаться.

Опустилась на колени прямо у порога.

Он замер. Смотрел сверху вниз, не двигаясь, не говоря ни слова. В его глазах вспыхнуло удивление. А может и желание. Власть. Я не знала. Не хотела знать.

Я просто расстегнула его джинсы. Пальцы дрожали, но справились быстро. Стянула их вместе с бельем, и он встал передо мной. Твердый, большой, горячий.

Я никогда этого не делала. С тем, единственным, даже не пробовала. Боялась. Казалось, что это грязно, унизительно, неправильно.

А сейчас… сейчас хотела этого. Хотела почувствовать его вкус. Хотела доставить ему удовольствие. Хотела, чтобы он смотрел на меня сверху вниз и знал – я его. Полностью. Без остатка.

Я взяла в рот.

Он зарычал. Тихо, гортанно, и его рука снова вцепилась в мои волосы, не направляя, просто фиксируя. Я двигалась медленно сначала, пробуя, привыкая. Его вкус оказался горьковатым, соленым, чисто мужским. Непривычным. Возбуждающим.

Он не торопил. Не толкался. Просто стоял, позволяя мне делать то, что я хочу. И я хотела все. Глубже, быстрее, еще. Мои губы скользили по его стволу, язык выписывал круги у головки. Я заглатывала его так глубоко, как только могла, и каждый раз, когда он касался горла, по моему телу пробегала дрожь.

Чувствовала, как нарастает напряжение. Не у него, а у меня. Между ног стало мокро, горячо, пульсирующе. Я терлась бедрами друг о друга, пытаясь унять это безумное желание, но оно только росло.

И вдруг меня накрыло.

Я кончила, не прикасаясь к себе. Прямо так – стоя на коленях, с его членом во рту, с его пальцами в своих волосах. Оргазм ударил внезапно, сильно. Заставил меня застонать, сжаться всем телом. Я даже перестала двигаться на секунду, только чувствовала, как внутри все пульсирует в такт сердцу.

Он все понял. Усмехнулся. Я почувствовала эту усмешку по тому, как его пальцы чуть ослабили хватку.

Я не могла в это поверить. Как? Как можно кончить от того, что ты делаешь кому-то приятно? Как можно получить удовольствие от того, что ты на коленях? Я не понимала. Не понимала, что со мной происходит. Но чувствовала, что это правильно. С ним правильно.

Продолжила. Уже быстрее, уже увереннее. Он стал двигаться навстречу. Осторожно, неглубоко, давая мне выбирать темп. Я заглатывала его снова и снова, чувствуя, как он напрягается, как его дыхание сбивается, как мышцы живота твердеют под моей ладонью.

- Алина, - предупредил он хрипло, но я не остановилась.

Он кончил мне в рот. Резко, с низким стоном, сжав мои волосы так сильно, что глаза защипало. Я проглотила. Не потому что надо. Потому что хотела. Потому что он – Свой. Потому что я – ЕГО.

А потом я поднялась с колен, вытирая губы тыльной стороной ладони, и посмотрела на него. Он смотрел на меня сверху вниз, чуть прищурившись, с той самой темной усмешкой, от которой у меня все переворачивалось внутри.

- Я так понимаю, - сказал он медленно, растягивая слова, - ты уже не голодна?

Мне стало стыдно. Жар ударил в лицо, щеки запылали. Я опустила глаза и уткнулась лбом ему в грудь, чтобы он не видел моего смущения.

- Не надо, - прошептала.

- Чего не надо?

- Не надо так смотреть.

Он не засмеялся. Не пошутил. Не сказал ничего. Просто провел ладонью по моим волосам. Мягко, почти невесомо. И поцеловал в макушку.

- Иди в комнату, - сказал он. – Я сейчас накрою.

Я пошла. Ноги дрожали, в ушах шумело. Я не понимала, что со мной происходит. Эта покорность, эта готовность стоять на коленях, это унижение, которое не было унижением – оно было высшей формой близости. Я не узнавала себя. И не хотела узнавать.

Я вошла в комнату и замерла.

На журнальном столике, на моем дешевом журнальном столике из ДСП, лежали деньги.

Несколько пачек. Перевязанных банковскими резинками. Ровные, хрустящие, пахнущие типографской краской и властью.

Подошла ближе, села на диван. Протянула руку, взяла одну пачку. Тысячные купюры. Новенькие, с хрустом. Не считала, но сразу поняла – здесь много. Очень много.

В комнату вошел Свой. Поставил на стол тарелку с горячим ужином, вторую передо мной. Сельдь с картошкой, маринованные огурцы, хлеб. Простая еда, пахнущая домом.

- Это триста тысяч, - сказал он, кивая на пачки. – Разница. Покупатель заплатил сверху, чтобы я уступил ему очередь. Деньги твои.

- Мои? – переспросила шепотом.

- Твои, - повторил он. – Ты сделала работу. Ты получила результат.

Я смотрела на деньги и не могла отвести взгляд.

Триста тысяч. Я никогда не держала в руках больше двадцати. Моя зарплата – шестьдесят, с премией – семьдесят. Семьдесят тысяч. Когда я впервые их получила, расплакалась. Стояла в подсобке и ревела, как дура, потому что это были первые большие деньги в моей жизни.

Триста тысяч – это пять моих зарплат. Это год аренды моей квартиры. Это мамино лечение на полгода. Это свобода.

Он оставил меня одну. Вышел на кухню, загремел посудой, зашумел водой. А я сидела на диване, сжимала в руках пачку денег и смотрела на нее, как завороженная.

Я попала. Попала в ловушку, которая сжималась все сильнее, начинала душить. Но мне было хорошо.

Впервые в жизни хорошо. От осознания, что он на кухне, готовит мне ужин. Что на столе лежат деньги, которых у меня никогда не было. Что я кому-то нужна. Что я не одна.

Я сжала пачку сильнее, прижала к груди и закрыла глаза.

Слезы катились по щекам, но я не вытирала их. Пусть. Пусть текут. Это слезы счастья. Или страха. Или всего вместе.

Я больше не разбирала.

Глава 11. Алина

Я не спала всю ночь.

Деньги лежали под подушкой. Триста тысяч. Я пересчитывала их раз за разом, пока пальцы не начали болеть. Складывала в стопки, перевязывала резинками, прятала в разные места. В ящик с бельем, в старый пакет из-под обуви, за книжки на полке. Вставала, перепрятывала заново. Боялась, что они исчезнут. Что окажется, что это сон.

Но деньги были настоящими. Пахли типографской краской и хрустели как новые. Я никогда не держала в руках столько. Даже не видела столько.

Свой ушел утром, пока я спала. На столе осталась записка. Его почерк, твердый, размашистый, почти нечитаемый: «Буду вечером. Не скучай».

Улыбнулась, глядя на эти слова. Прижала листок к груди, потом спрятала в книжку на полке – туда же, где лежала половина денег.

В салон пришла за десять минут до открытия. Надела форму, заварила кофе, села за компьютер. Но вместо того чтобы проверять отчеты, смотрела в монитор невидящими глазами и думала о нем.

О его руках. О том, как он смотрел на меня сверху вниз, когда я стояла на коленях у порога. О том, как потом, ночью, он прижимал меня к себе и дышал в макушку.

Улыбалась, сама не замечая этого.

- О, Алина улыбается! – раздался звонкий голос Вероники. – Чудо какое.

Я вздрогнула, попыталась спрятать улыбку, но не успела.

Вероника плюхнулась на соседний стул, положила подбородок на сложенные ладони и уставилась на меня с таким видом, будто я должна была исповедоваться.

- Колись, - сказала она. – Кт о он?

- Никто, - ответила слишком быстро, чем только подтвердила подозрения напарницы.

- Алина, я вижу тебя насквозь. У тебя новый засос на шее, глаза горят, и ты улыбаешься чему-то своему каждые пять минут. Так бывает только по одной причине.

- Отстань, Вероника.

- Значит точно мужик с Х6, - не унималась она. – Который купил машину за наличку.

Я промолчала. Она поняла все. Абсолютно все…

- Мммм, - протянула она с прищуром и явной завистью. – Ну, красавчик. Видно, что не бедный. И на тебя запал. Только ты смотри, Алинка, не ошибись. Такие мужики просто так не появляются, - не забыла уколоть меня своей язвительностью.

- Что ты имеешь в виду?

- А то и имею, - Вероника понизила голос, будто знает все наверняка. – Он старше. У него, скорее всего, семья, дети. Ты для него развлечение. Потом бросит, и будешь плакать.

Я резко повернулась к ней и процедила сквозь зубы:

- Не твое дело.

Вероника подняла руки, показывая, что сдается:

- Ладно-ладно. Я просто предупредила. А ты делай что хочешь.

Она ушла к своему столу, а я осталась сидеть, сжимая кружку с остывшим кофе.

Я знала, что она права. Знала. Он ничего о себе не рассказывал, скрывался за кличкой, не называл имени. У него наверняка была семья. Или хотя бы женщина. Или нет. Я не знала. Я ничего о нем не знала.

Но это не имело значения.

Потому что без него я задыхалась.

Проработала до обеда как робот. Приняла трех клиентов, заполнила договоры, отчиталась перед Семеном Петровичем. Все машинально, без души. Мысли были далеко – в моей маленькой квартире, где он должен был появиться вечером.

А потом случилось то, чего боялась больше всего.

- Алина, зайди ко мне, - раздался голос Семена Петровича из его кабинета.

Я замерла.

Сердце ухнуло вниз. Ладони мгновенно вспотели. Я прошла по коридору, чувствуя, как ноги становятся ватными. В голове пронеслась тысяча мыслей. Он узнал. Кто-то заметил. Та двойная продажа X6. Возврат и тут же новая сделка. Бухгалтерия пробила. Сейчас он скажет: «Алина, что это за махинации?» Или хуже - «Мы вызываем полицию».

Я вошла в кабинет. Семен Петрович сидел за столом, листал какие-то бумаги. Поднял голову, посмотрел на меня поверх очков.

- Ты не закрыла отчет по вчерашней «Тойоте», - сказал он. – Иди, доделай.

Я выдохнула так глубоко, что у меня закружилась голова.

- Хорошо, Семен Петрович, - выдавила, с трудом сохраняя спокойствие в голосе. – Сейчас сделаю.

- И чай мне принеси, - добавил он, уже уткнувшись в бумаги. – С лимоном.

- Хорошо.

Я вышла из кабинета, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Ноги тряслись. Все тело тряслось. Едва сдерживала слезы – от облегчения, от страха, от того, как близко это было.

«Успокойся, - сказала себе. – Успокойся. Никто ничего не знает. Пока».

Я дописала отчет, заварила Семену Петровичу чай с лимоном и вернулась за свой стол. Вероника снова покосилась, но ничего не сказала.

После обеда пришло сообщение.

Схватила телефон, как только почувствовала вибрацию.

«Нужно поговорить. Вечером приеду».

Сердце снова ухнуло вниз.

Дело. Опять. Только что мы провернули возврат и перепродажу X6. Я получила свои триста тысяч. Думала, что на этом все. Что он просто будет приходить по вечерам, варить мне кофе, заниматься со мной любовью, а я буду чувствовать себя нужной.

Нет. Он пришел за бОльшим.

Я хотела написать «нет». Хотела сказать, что не хочу больше в это влезать. Но пальцы сами напечатали: «Хорошо. Жду».

Я не могла отказать. Даже когда знала, что это неправильно. Даже когда понимала, что меня втягивают глубже.

Я попала. И выкарабкиваться не собиралась.

Остаток дня тянулся бесконечно. Каждый раз, когда открывалась дверь салона, я вздрагивала. Каждый раз, когда Семен Петрович выходил из кабинета, боялась, что он скажет: «Алина, зайди, разговор есть».

Но день прошел без происшествий. Я закрыла все отчеты, попрощалась с Вероникой, которая снова ухмыльнулась, глядя на мое взволнованное лицо, и вышла на улицу. До дома добиралась в тумане.

Он ждал у подъезда. В своей кожаной куртке, прислонившись к капоту черного «БМВ» - той самой машины, которую я вчера вернула и продала заново. От вида этой машины у меня свело желудок.

- Идем, - сказал он. – Поговорим дома.

Дома. Мне хотелось верить, что его «дома» - это что-то теплое и родное. Но так и не смогла успокоиться, поскольку понимала: его «дома» - это просто трюк, с помощью которого он заманивает меня в капкан все дальше и крепче.

Мы поднялись в мою квартиру. Я открыла дверь дрожащими руками. Он вошел, как к себе домой – скинул куртку, прошел на кухню, загремел чайником. Я стояла в прихожей, не зная, куда себя деть.

- Проходи, садись, - крикнул он из кухни. – Чего встала?

Я села на диван в гостиной, обхватила себя руками. Он вошел с двумя кружками чая, поставил на стол передо мной. Сел напротив на единственный стул. Смотрел на меня в упор, не мигая. В его глазах та самая сталь, которую я уже знала. И что-то страстное и одновременно теплое, что вызывало во мне бурю эмоций.

- Пей, - сказал он. – Замерзла.

Я послушалась. Даже сейчас. Я слушалась его во всем. Чай был сладким и горячим, отчего обожгла язык, но не почувствовала.

- Алина, - сказал Свой. – Ты справилась с прошлым разом. Я доволен.

Я молчала, боясь спросить, что дальше.

- Теперь нужно делать больше, - продолжил он.

Я сидела на своем продавленном диване, сжимая кружку с чаем, и слушала, как он рассказывает про новую схему. Про клиентов, которые не хотят ждать. Про наценку в двести-триста тысяч. Про мои десять процентов.

Я смотрела на него и понимала, что это звучит почти законно. Почти. Но где-то глубоко внутри знала – это обман. Продажа того, чего нет. Взятие денег за воздух.

- А если салон узнает? – спросила тихо.

- Не узнает, - ответил он спокойно. – Ты просто оформляешь заявку. Обычную заявку. Клиентов направляешь ко мне на предоплату. Официально ты получаешь комиссию за бронь. Все чисто.

Я молчала. Думала. Страх душил, но жадность – или, может, желание угодить ему – пересиливало.

Триста тысяч в руках. Возможность закрыть мамины долги. Купить нормальную мебель. Перестать считать копейки.

- И сколько я получу? – спросила с интересом к своему же ужасу.

- Зависит от наценки.

Я кивнула. Слишком быстро. Слишком покорно.

- Хорошо, - пробормотала дополнительно, будто моего кивка не хватило.

- Хорошо, - повторил он, вставая и ставя кружку на стол. – А теперь иди сюда.

Он протянул руку. Я подошла. Он взял меня за подбородок, заставил смотреть в глаза.

- Ты знаешь, что будет дальше?

Я кивнула.

Он толкнул меня на диван. Жестко, но без жестокости. Просто уверенно, как человек, который знает, что ему позволено все.

Я не сопротивлялась. Я хотела этого. Хотела, чтобы он делал со мной все, что захочет.

Глава 12. Алина

Он стянул с меня джинсы одним рывком. Трусы следом. Я осталась в одной футболке, голая от пояса и ниже. Свой раздвинул мои ноги коленом. Грубо, не спрашивая. Я вскрикнула от неожиданности.

- Молчи, - сказал он. – Терпи.

Он вошел в меня резко, почти без подготовки. Я застонала – от боли, от удовольствия, от смеси всего сразу. Он не ждал, пока привыкну. Начал двигаться сразу. Жестко, глубоко, с каждым толчком вбивая меня в пружины дивана.

Мой диван. Моя квартира. Моя жизнь, которую он заполнил собой без остатка.

Я вцепилась в его плечи, оставляя царапины на старой коже. Он не обращал внимания. Дышал тяжело, хрипло, иногда постанывая сквозь зубы. Его руки сжимали мои бедра так сильно, что завтра там будут синяки. Я хотела этих синяков. Хотела следов. Хотела помнить.

- Свой… - простонала.

- Молчи, - повторил он.

Он перевернул меня на живот. Грубо, не спрашивая. Я оказалась лицом вниз, грудью на продавленном диване, щекой на старой подушке, которая пахла им и мной. Он вошел сзади, еще глубже, еще жестче. Я закричала в голос, не стесняясь. Подушка приглушала звуки, но я знала – соседи слышат. Мне было все равно.

Он трахал меня долго. Я потеряла счет времени. Может, десять минут. Может, час. Я чувствовала, как нарастает напряжение. То самое, которое он научил меня распознавать. Оно росло, закручивалось в тугую пружину где-то внизу живота, расползалось по ногам, по спине, по рукам, которые дрожали на подушке.

Я кончила, когда он вошел особенно глубоко. Громко, исступленно, выгибаясь под ним, вжимаясь в пружины дивана. Меня трясло, колотило, из глаз текли слезы. Но не от боли, а от того, что много. Я не понимала, как можно кончать от такой жесткости, от такой грубости. Но кончала. Снова и снова. И не могла остановиться.

Он кончил следом. Рывком прижал меня к себе, уткнулся лицом в мою шею и замер. Тяжело дышал. Сжимал мои бедра так, что я почти не чувствовала ног.

Потом отстранился. Встал. Закурил, открыв форточку. Холодный воздух ворвался в комнату, смешиваясь с запахом секса и табака.

Я лежала на диване, голая, мокрая, разбитая. Смотрела в потолок и не узнавала себя.

- Ты как? – спросил он, выпуская дым в форточку.

- Хорошо, - прошептала честно.

- Точно?

- Да.

Он кивнул, затушил сигарету, подошел ко мне. Сел на край дивана, провел рукой по моим спутанным волосам. Почти нежно, почти ласково. Контраст с тем, что было минуту назад, был таким резким, что у меня перехватило дыхание.

- Ты молодец, - сказал он тихо, легонько ухмыляясь. – Я не ошибся в тебе.

Я закрыла глаза. По щекам текли слезы от облегчения, от страха, от того, что я снова не смогла отказать. И от того, что мне это нравилось. Нравилось, как жестко он со мной. Нравилось, что после этого он называет меня «молодец». Нравилось, что я кому-то нужна. Даже такой ценой.

- Завтра начинаем, - сказал он. – Первый клиент. Ты справишься.

Я кивнула, не открывая глаз.

Он поцеловал меня в лоб. Легко, почти невесомо. Встал, надел джинсы, накинул куртку.

- Я ухожу. Выспись. Завтра будет тяжелый день.

Дверь хлопнула. Я осталась одна.

Лежала на диване, смотрела в потолок и чувствовала, как между ног ноет, как горят следы от его пальцев на бедрах, как бьется сердце все еще слишком быстро.

Я понимала, что он делает. Он приручал меня. Жесткостью, болью, лаской после. Он знал, что после такого не смогу отказать. Что я буду благодарна за то, что он назвал меня «молодец». Что я пойду на все, лишь бы снова услышать эти слова.

И я шла.

Потому что никто никогда не говорил мне «молодец». Никто не говорил «я тобой горжусь». Никто не смотрел на меня так, будто я чего-то стою.

А он смотрел.

И ради этого взгляда я была готова на все. Даже на то, что предам себя. Даже на то, что потеряю себя.

Потому что без него меня нет. Был только страх и унижение. Только холодная квартира и остывший кофе. Только счет в банке, который не грел.

А с ним – огонь. Жесткий, обжигающий, почти убивающий.

Но без этого огня я задыхалась.

Я встала, допила остывший чай, убрала кружки. Посмотрела на кровать, где мы спали прошлой ночью. Простыни сбились, подушка упала на пол. В углу валялись его носки. Я подняла их, положила на стул.

Маленькая забота о том, кто меня даже не спросил, хочу ли я всего этого.

Но я хотела.

И это было самое страшное.

Глава 13. Алина

На следующий день пришла на работу с синяками на бедрах и ссадинами на запястьях. Блузка с длинным рукавом скрывала следы. Вероника ничего не заметила или сделала вид.

Я сидела за компьютером, перебирала заявки, и вдруг дверь салона открылась.

Мужчина. Лет сорока пяти, дорогой костюм, часы, взгляд человека, который привык получать все и сразу. Он вошел, даже не поздоровавшись с охраной, и направился прямиком к моему столу.

- Добрый день, - произнесла заученно, включая профессиональную улыбку. – Чем могу помочь?

- Мне нужен X5, - он даже не смотрел на меня, а только рассматривал машины в зале. – Трехлитровый дизель, максимальная комплектация. Белый. Сроки?

Я открыла базу, пробежалась по наличию. Нет. Не было. И не будет ближайшие три месяца.

- К сожалению, данной модели сейчас нет в наличии, - сказала официально. - Срок ожидания около трех месяцев. Могу предложить тест-драйв аналогичной комплектации, оформить бронь…

- Три месяца? – он поморщился, как от зубной боли. – Это слишком долго. Мне нужно сейчас.

- Понимаю, но, к сожалению…

- Слушайте, - он перебил меня, наклонился ближе, понизил голос. – Я готов заплатить больше. Лишние деньги – не проблема. Найдите мне машину. Быстро. Без очереди.

Я замерла.

В голове щелкнуло. Как выключатель. Слова Своего всплыли в памяти: «Ты будешь им говорить, что можешь ускорить. За наценку».

- Подождите минуту, - пробормотала с улыбкой и собираясь с духом. – Мне нужно кое-что уточнить.

Я вышла в подсобку, достала телефон. Пальцы дрожали.

«Клиент. X5, дизель, белый. Хочет сейчас. Наценка?»

Ответ пришел через десять секунд.

«300. Давай».

Я выдохнула. Убрала телефон, поправила волосы и вернулась в зал.

Мужчина стоял у витрины, разглядывал черный X6.

- У нас есть возможность ускорить процесс, - сказала я, подходя ближе. – Но это будет дороже.

- Насколько?

- Триста тысяч сверх стоимости.

Он даже не моргнул.

- И когда я смогу забрать машину?

- Через неделю.

- Договорились.

Я оформила заявку. Вбила в базу данные клиента, отметила желаемую комплектацию. Предоплату он перевел на счет, который дал Свой – я продиктовала реквизиты, глядя в телефон, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Все готово, - распечатываю договор бронирования. – Подпишите здесь и здесь.

Он подписал, не глядя. Кивнул и вышел, уже звоня кому-то по телефону.

Я осталась одна.

Смотрела на договор, на его подпись, на печать салона. Внутри все дрожало от страха, от восторга. А еще от того, как легко это прошло.

Вечером, когда салон опустел, я стояла у окна и смотрела, как темнеет небо. Вероника уже ушла. Семен Петрович сидел в кабинете, доделывал отчеты. Я ждала.

Он пришел ровно в семь. Дверь открылась, и я увидела его силуэт. Высокий, широкий, в кожаной куртке.

- Зачем ты здесь? – спросила шепотом. – Могут увидеть.

- Никого нет, - он подошел ближе. – Семен твой в кабинете, окна выходят во двор. Не увидит.

- А камеры?

- Слепые зоны. Я проверил.

Он остановился в шаге от меня. Смотрел сверху вниз, и в его глазах – впервые – я увидела не холод, а что-то другое.

Тепло. Удовлетворение.

- Ты молодец, - сказал он тихо.

У меня перехватило дыхание.

- Что?

- Молодец, - повторил он. – Ты смелая. Ты справилась. И справишься дальше.

Он взял меня за подбородок, поднял лицо. Поцеловал легко, почти нежно. Не так, как вчера на диване. По-другому.

- Я горжусь тобой, - сказал он.

Я чуть не расплакалась.

Никто никогда не говорил мне таких слов. Мать только ругала. Отец не дожил. Учителя сравнивали с другими. Начальники требовали. А он сказал «молодец» и «я горжусь».

И я почувствовала, как таю.

Как исчезает страх, сомнения, чувство вины. Остается только он. Его голос. Его руки. Его одобрение.

- Я все сделаю, - выдохнула. – Все, что скажешь.

- Знаю, - он улыбнулся уголком губ. – Потому и выбрал тебя.

Он ушел так же тихо, как пришел. А я осталась стоять у окна, прижимая к груди телефон с его сообщением.

«Жду дома».

Я улыбалась. Сквозь страх, дрожь, предательство – улыбалась.

Потому что он сказал «молодец».

Потому что он сказал «горжусь».

И ради этих слов я была готова на все.

Даже на то, что только что сделала. Даже на большее.

Глава 14. Алина

Ночь. Я лежала на спине, смотрела в потолок и не могла уснуть.

Свой спал рядом. Ровно дышал, иногда вздыхал во сне, переворачивался на бок. Его рука лежала на моем животе. Тяжелая, теплая. Я чувствовала каждый палец, каждое прикосновение.

Но уснуть не могла.

В голове крутились цифры. Шесть машин. Три миллиона двести тысяч наценки. Моя доля почти миллион. Миллион рублей, которые лежат в чемодане под кроватью, перевязанные резинками.

Я не знала, куда их деть. Боялась положить в банк – спросят, откуда. Боялась тратить – заметят. Боялась оставить как есть – найдут.

В салоне все шло как по маслу. Никто ничего не замечал. Клиенты были довольны. Семен Петрович хвалил меня за отличные продажи. Вероника завидовала.

Но я знала правду.

Я обманывала клиентов. Обманывала начальника. Обманывала саму себя.

Я лежала и думала о том, как все это началось. Как я впервые села в его машину. Как он защитил меня от того красномордого мужика. Как сказал: «Красавица. Почти как ты».

Тогда я думала, что это судьба. Что наконец-то мне повезло. Что он – тот самый, кто меня спасет.

А теперь понимала – он меня не спасал. Он меня использовал. И я позволяла. Потому что впервые в жизни чувствовала, что нужна. Что я не одна. Что меня есть за что ценить.

Я вспомнила свое детство.

Отца я почти не помнила. Только запах его куртки, когда он брал меня на руки. И стук в дверь, которого я боялась теперь больше всего на свете.

После его смерти мать запила. Сначала по выходным, потом каждый день. Я приходила из школы, а она лежала на диване. Рядом пустая бутылка, телевизор орал на всю квартиру. Я сама грела себе ужин. Сама делала уроки. Сама стирала свою форму, потому что матери было не до этого.

В пятом классе я заболела ангиной. Высокая температура, горло «не сглотнуть», слабость. Я лежала три дня в постели, пила воду, набранную из-под крана, из бутылки, потому что встать не было сил. Мать не приходила. Она была у своего нового «друга». Когда смогла подняться, нашла ее на кухне. Она плакала и пила водку из горла.

- Прости, - сказала она, увидев меня. – Прости, дочка.

Я не ответила. Просто пошла в аптеку за лекарствами.

С тех пор я ни на кого не надеялась. Ни на кого, кроме себя.

А теперь появился он. И я снова стала маленькой девочкой, которая ждет, что ее спасут.

Но он не спасал. Он тянул на дно.

Я знала это. И все равно шла.

- Не спишь?

Его голос вырвал меня из воспоминаний. Он приподнялся на локте, смотрел на меня в темноте. Глаза блестели.

- Нет, - прошептала.

- Что случилось?

- Ничего.

- Врешь.

Я молчала. Смотрела в потолок, чувствуя, как по щекам текут слезы.

- Алина, - он коснулся моего лица, провел большим пальцем по мокрой щеке. – Рассказывай.

Я не выдержала.

- Мне тяжело, - выдохнула. – Я не спалю ночами. Все думаю о том, что мы делаем. Это неправильно, Свой. Мы обманываем людей. Обманываем салон. Если узнают, меня уволят. Могут посадить.

- Не посадят, - спокойно ответил он.

- Откуда ты знаешь?

- Потому что я не дам.

- А если не сможешь защитить?

Он замолчал. Я чувствовала, как он смотрит на меня тяжело, изучающе. Как будто решает, стоит ли говорить дальше.

- Я чувствую себя виноватой, - призналась честно. – Перед клиентами. Перед Семеном Петровичем. Перед собой. Я не такая, Свой. Я не воровка. Я никогда не воровала. Ни копейки. А теперь… теперь у меня под кроватью лежит миллион, который я не могу объяснить.

Он не ответил. Просто притянул меня к себе, обнял. Прижал к груди так, что я услышала, как бьется его сердце. Ровно, спокойно. Надежно.

- Ты не воровка, - сказал он тихо. – Ты девочка, которой не повезло в жизни. Которую никто не любил. Которую обижали, бросали, обманывали. А теперь ты просто хочешь быть счастливой. И я могу дать тебе это счастье.

- Ценой обмана?

- Ценой того, что ты перестанешь быть жертвой. Ты станешь хозяйкой своей жизни.

Я заплакала. В голос, в истерику, уткнувшись лицом ему в грудь. Он гладил меня по голове, по спине, не говорил ни слова.

А потом спустился ниже.

Я почувствовала, как его губы коснулись моего живота. Поцелуй. Легкий, почти невесомый. Потом еще один, чуть ниже. Я замерла, перестала плакать. Смотрела на него сверху вниз. На его седые волосы, на шрамы на лице, которые сейчас не казались страшными.

Он раздвинул мои ноги коленями мягко, не грубо. Опустился ниже. Его дыхание коснулось самого сокровенного места, и я вздрогнула.

Он ласкал меня языком долго. Медленно, неторопливо, будто у него была вечность. Круговые движения, нажатия, легкие пощипывания губами. Я теряла голову. Вцепилась пальцами в его волосы, то прижимая ближе, то отталкивая, потому что становилось слишком хорошо.

Я понимала, что он делает. Он задабривал меня. Приручал. Знал, что после такого я не смогу отказать. Что после такой ласки я пойду на все.

И я шла.

Потому что это было слишком хорошо. Потому что никто никогда не делал со мной ничего подобного. Потому что я была готова продать душу за эти ощущения. За его руки, его губы, его голос, который шептал: «Ты моя, Алина. Только моя».

Я кончала долго, исступленно. Выгибаясь на постели, сжимая его волосы, вскрикивая в подушку, чтобы не разбудить соседей.

А когда волна отпустила, он поднялся и лег рядом. Обнял. Прижал к себе.

- Спи, - сказал он. – Завтра новый день. Новые клиенты. Новые деньги.

Я закрыла глаза.

По щекам текли слезы. Слезы удовольствия, стыда, страха, благодарности. Я не разбирала. Не хотела разбирать.

Просто знала – я в ловушке. И выхода нет.

Потому что он – Свой.

А я – его.

И ради того, чтобы чувствовать это снова и снова, я готова на все. Даже на то, что предам себя. Даже на то, что потеряю себя.

Потому что без него меня нет. Был только страх и унижение. Только холодная квартира и остывший кофе. Только счет в банке, который не грел.

А с ним – огонь. Даже если этот огонь сжигает меня дотла.

Глава 15. Свой

Я шел по ночному городу и думал о ней.

Ветер трепал полы куртки, в кармане бренчали ключи – от машины, от дома, от ее квартиры, которую я уже считал своей. Холодный сентябрьский воздух обжигал легкие, но внутри все горело. Она горела.

Алина.

Раз за разом прокручивал в голове тот день в салоне. Как зашел, как увидел ее – сероглазую, тонкую, с дрожащими пальцами, сжимающими планшет. И как сразу понял: она сломается. Слишком много боли в глазах, слишком много одиночества. Такие не умеют отказывать. Такие цепляются за любого, кто протянет руку. Даже если эта рука тянет на дно.

Я не планировал. Нет, вру. Планировал. Мне нужен был человек внутри салона. Свой. Я выбирал почти неделю. Та Вероника – слишком любопытная, слишком языкастая. Леха – баба на полставки, без хребта. Другие вообще ни о чем.

А она сидела в углу, заполняла бумаги, и в ее глазах была такая бездна, что я сразу понял – она моя. Останется только взять.

Но когда подошел ближе, когда увидел, как она сжимает планшет побелевшими пальцами, как краснеет, когда на нее повышают голос, что-то во мне дернулось. Не жалость. Я не умею жалеть. Интерес. Животный, почти первобытный интерес.

А вблизи она оказалась еще лучше. Темные волосы, серые глаза, тонкая шея. И запах – кофе, ваниль и страх. Смесь, от которой у меня перехватило дыхание.

Тот вечер в машине. Как она села на пассажирское сиденье, как дрожала, но не убежала. Как потом села за руль. Уверенно, смело, не как девчонка, а как водитель, который чувствует железо. Я тогда еще подумал: «Из нее выйдет толк».

А потом она поцеловала меня. Сама. Не я ее, а она меня. Вцепилась в губы, как в последнюю надежду, как будто я был единственным, кто мог ее спасти. Или утопить. Ей было все равно. И мне тоже.

Мы трахались в машине, как звери. Я забыл, сколько мне лет. Забыл, кто я. Забыл, зачем пришел. Только она. Ее тело, ее стоны, ее глаза, которые смотрели на меня с такой доверчивостью, что становилось тошно.

Она совсем юная. В сексе полный ноль. Я понял это сразу, как только вошел в нее. Она не знала, куда деть руки, как двигаться, когда дышать. С тем, единственным, кто у нее был, она лежала бревном и терпела. Стыдилась. Боялась. Думала, что секс – это про то, чтобы не отказать. Чтобы потом он не ушел.

А со мной раскрылась. Кричала, царапалась, кончала. И смотрела на меня так, будто я открыл ей дверь в другой мир. Может, так и было. Может, я стал ее проводником. Забавно. Старый вор, угонщик, бывший зэк… и вдруг проводник в мир взрослых для наивной девчонки.

Меня это забавляло. Ее неопытность, ее страх, ее удивление от того, как может быть по-настоящему. Она как губка впитывала каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждое мое слово. И училась быстро. Быстрее, чем я ожидал. Уже через несколько дней она двигалась так, будто всю жизнь только этим и занималась. Будто я разбудил в ней что-то, о чем она сама не подозревала.

Но что-то в ней было. Что-то, чего я не встречал раньше. Она не играла, не притворялась, не пыталась казаться лучше, чем есть. Просто была. Настоящая, живая, дрожащая от каждого моего прикосновения.

И это заводило.

Я забыл, когда в последний раз хотел женщину так, как хочу ее. Чтобы кружило голову, чтобы внутри все горело, чтобы руки тряслись, когда расстегиваю ее джинсы. С ней я чувство-

вал себя молодым. Не на свои пятьдесят два. На двадцать пять. Жеребцом, который готов трахаться сутки напролет и не чувствовать усталости.

Ни одна женщина за последние годы не давала мне этого чувства. Ни одна не заставляла сердце биться чаще. А она – да. И я не понимал почему. Может, ее наивность. Может, ее доверчивость. Может, то, как она смотрит на меня. Будто я не сволочь, а единственный человек, который может сделать ее счастливой.

Схемы, которые я на нее навесил, выполнила блестяще. Первая – с возвратом Х6 – была проверкой. Посмотреть, сломается или нет. Испугается или сделает. Она сделала. Хотя руки тряслись, хотя глаза были мокрыми. Но сделала.

Потом «Призрачные трейдинги». Продажа машин, которых нет. Наценка в двести-триста тысяч. Я думал, она начнет торговаться, просить больше, сомневаться дольше. Нет. Согласилась почти сразу. Слишком быстро. Слишком покорно.

Я не ошибся в выборе. Из всех продавцов, которых я просматривал, она была лучшей. Не по продажам – по готовности идти до конца. У нее за спиной нищета, пьющая мать, предавший парень, никакой поддержки. Такие не сдаются. Такие цепляются за любой шанс выжить. И она уцепилась за меня.

Умная. Покладистая. И при этом не сломленная до конца. Глаза горят, когда говорит о деньгах. Не от жадности. От надежды. Будто в первый раз в жизни видит, что может быть подругому.

Я дал ей этот шанс. И она его не упустит.

Я шел по пустынной улице и думал о ней. О ее волосах, разбросанных по подушке. О том, как она кричит мою кличку. О том, как потом лежит рядом, маленькая, уставшая, и смотрит на меня с такой благодарностью, что хочется отвернуться.

На рассвете ноги сами вели меня по знакомому пути.

Я не мог иначе. Не должен был.

У меня есть обязательства. Долги, которые не отдашь деньгами. Люди, которые ждут. Всегда ждут. Даже когда я в тюрьме. Даже когда пропадаю на неделю. Даже когда возвращаюсь с запахом чужих духов и синяками на шее, которые не могу объяснить.

Я остановился у знакомой двери. Достал ключ – свой, отдельный, который никогда никому не показывал. Вставил в замочную скважину. Повернул.

Квартира встретила меня запахами. Сырники. Яичница. Кофе.

На шум в прихожей из кухни выскочили двое.

- О, батя вернулся! – радостно воскликнул старший, Вовка.

Тринадцать лет, уже почти мой рост, голос ломается, но в глазах та же преданность, что и у матери.

- Привет, пап, - сказал младший, Леха, и тут же скрылся в ванной.

Вовка убежал в комнату. Грохот, стук, крики. Обычное утро обычной семьи.

Из кухни вышла Маша. Вытирала руки о полотенце, в стареньком халате, волосы собраны в пучок, лицо без макияжа, но все еще красивое. То, что осталось от красоты после двадцати лет ожидания.

Она посмотрела на меня. Не ласково. Не зло. Просто… устало.

- Что-то ты долго в этот раз, - сказала она, останавливаясь в дверях. – Долго пришлось уламывать? Или стареешь и уже не можешь порадовать своей мужской силой молодуху?

В ее голосе не было ревности. Была усталая констатация факта.

Я посмотрел на нее. Впервые в жизни с каким-то странным чувством, которое не мог определить. Не вина. Не жалость. Уныние? Может быть.

- Ну привет, жена, - сказал тихо в очередной раз.

Да. Жена. Законная.

Глава 16. Свой

Час ночи. Промзона на выезде из города. Заброшенный склад, где пахнет ржавчиной, мазутом и чужой бедой. Я сидел в машине – старой «Камри» с тонировкой в ноль, которую не жалко бросить. Ждал.

Он пришел ровно в час. Не опоздал ни на минуту. Высокий, худой, в черном пуховике и бейсболке, надвинутой на глаза. Лица я не разглядел, и не хотел. У нас такие, как он, не показывают лица. А если показывают, значит, скоро заказывают место на кладбище.

Он сел на заднее сиденье, даже не поздоровавшись. Я не оборачивался. Смотрел в лобовое стекло, на ржавые ворота склада.

- Товар будет через неделю, - сказал он глухо. – Белый X5, трехлитровый дизель, максималка. Состояние – идеал. Как с завода.

- Документы? – спросил коротко и по делу.

- Чистые. Перебиты под твоего клиента. В базе ГИБДД не пробить – откуда надо люди работают. Салон не заметит.

Я кивнул. Значит, угон. Хороший, профессиональный угон. Машину сняли с владельца

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.